

18+

Любовь Москалёва

ЗАПИСКИ УРОДИНЫ

Любовь Москалёва

Записки уродины

«Издательские решения»

Москалёва Л.

Записки уродины / Л. Москалёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512489-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Не
повезло родиться красивой и богатой. Не понятно, как удавалось одинокой
и вечно занимающей денег у знакомых матери оплачивать моё обучение в
элитном лицее. Невероятно, но вопреки страхам и ожиданиям мне удалось
найти там друзей. И конечно, невозможно в такой ситуации избавиться от
комплекса неполноценности. Невозможно? Ну уж нет! Только не для меня! Я
ещё поборюсь за своё место под солнцем.

ISBN 978-5-00-512489-0

© Москалёва Л.
© Издательские решения

Записки уродины

Любовь Москалёва

© Любовь Москалёва, 2020

ISBN 978-5-0051-2489-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – Крокодил!!!

Сколько себя помню, я всегда была Крокодилом. Только всё не просто. Проблема в том, что я не рептилия. Я – человек.

– Ты человек!? – Ксюха хохотала громко и вызывающе. – Жэка, ты, когда в последний раз на себя в зеркало смотрела?

Честно? Я забыла тот день, когда общалась с этим злобным изобретением человечества более двух минут. Так, пару беглых взглядов, и всё. Этих коротких мгновений было достаточно, чтобы отравить мне весь день.

– Крокодаева, признайся, ты мутант!

Леха и Макс сидели на парапете, курили и трепались о «тёлках». Завидев меня, они сменили тему разговора и начали оттачивать своё остроумие на моей внешности. Я не отреагировала на реплику Лехи и дальнейшие словесные упражнения великовозрастных балбесов. Они ещё некоторое время пытались вывести меня из себя, но пыл их потихоньку угас, и разговор плавно перешёл на компьютерных мутантов и монстров. Меня оставили в покое.

За свою недолгую жизнь мне удалось нарастить такую толстую кожу, что мой нильский тёзка утопился бы от зависти. Не сказать, что насмешки и оскорбления не ранили меня, но большинство из них всё же отскакивали от моей бронированной шкуры. В эти моменты я злорадно думала, что это не мне не повезло в жизни, а моим обидчикам. Я-то вижу себя только время от времени и по желанию, а им приходится созерцать меня постоянно, и я их жизнь не украшаю!

Мои одноклассники – сплошь снобы, отпрыски нефтяных или металлургических королей. Хотя, что это я? В наших краях короли не водятся, так, мелкие удельные князьки, зато все с трубами. Кто с нефтяной, кто с газовой, а кто и с заводской. Только одной мне просто труба. Как удалось мне попасть в этот элитный лицей никому неизвестно. Знает об этом только моя тихая и супер интеллигентная мамуля.

Знает и не молчит.

Говорит.

Объясняет.

Так много и долго объясняет, так сложно и всегда по-разному говорит, что я окончательно запуталась и перестала её расспрашивать.

– Жека, я купила пельмени! – радостно от порога сообщила она, стягивая с себя сапоги. – Такие, как ты любишь!

Молодец мамуля! Кулинар! Из трех блюд, которые она освоила за свою жизнь: яичницы, котлет из готового магазинного фарша и пельменей – последние удаются ей лучше всего. Это верх её поварских талантов!

Она плюхнулась в кресло рядом с моим компьютерным столом и, прикрыв глаза, начала мне что-то увлечённо рассказывать. Её вовсе не смущало, что из моих ушей торчат провода, и что голос Бьонсе я слышу гораздо лучше, чем её речи. Зато видно мне хорошо.

Хрупкая, беззащитная блондинка.

Натуральная!

И крашенная! Я до сих пор так и не поняла, зачем она красит волосы в свой естественный цвет. Наверное, чтобы быть, как все. Только она всё равно лучше многих.

Мамуля красивая! Ей бы чуть округлиться – вылитая Мэрилин Монро!

Каким же монстром должен был быть мой папаша, чтобы на свет появилось такое «сокровище», как я? Мамуля, где ты его нашла?

* * * * *

Когда начинается Судьба?

С рождения?

Что-то слишком просто. Конечно, родится в богатой благополучной семье совсем не то же самое, что у алкоголиков. Но ты сама тут, ни при чём. Что дано, то дано. Может быть, кто-то не согласится, но мне трудно назвать Судьбой то, к чему по большому счёту сама не имеешь никакого отношения. Пока, ничего не предпринимая, человек несется по жизни, словно щепка в бурном водном потоке, его жизнь – просто биография.

Рождение, школа, свадьба, работа, старость, смерть... Что ж, можно прожить и, не выходя за пределы биографии. Это многим удаётся.

А можно ли быть счастливым, не выделяясь из толпы себе подобных? Наверное, можно, если считать счастливой спокойную сытую жизнь. Только уж очень обидно тратить свой единственный шанс, свою уникальную жизнь на повторение миллионы раз пройденного пути.

Это точно не для меня!

Я всегда избегала серости и скуки. Сидеть и ждать изо дня в день, когда на тебя прольётся золотой дождь – занятие неблагодарное. Гораздо интереснее самой построить свою жизнь. По крупнице, по кирпичику вымостить свою дорогу, и шагать по ней с гордо поднятой головой. Я бы хотела, чтобы моя жизнь сложилась именно так, чтобы она не осталась просто биографией.

Так, когда же начинается Судьба?

Я знаю.

Я уверена.

Судьба начинается с Поступка!

Рано или поздно надо сделать выбор и, считай, повезло, если этот выбор у тебя есть. Ещё лучше, когда ты уже готова к этому выбору. Только подготовится почти невозможно, ведь никто не знает когда это случится.

А я?

Когда это случилось со мной?

Когда началась моя Судьба?

Может после выпускного бала, в то последнее школьное лето, на лесной поляне, у ручья? А может и позже, после знакомства со Штольцем?

Конечно, тогда ещё не случилось Поступка, но родилось Намерение.

Оно поселилось где-то очень глубоко внутри, почти в подсознании. В то время я его ещё не понимала, но с первых минут Намерение взяло надо мной власть.

* * * * *

Пальцы побелели. Ледяные струи так настойчиво и упруго бьют в ладони, словно с минуты на минуту ожидают капитуляции.

Я загадала, что если выдержу, пока туман совсем закроет поляну, то моё желание сбудется. Моё единственное! Моё несбыточное! Моё быющее в виски желание – Макс!

Глупый ручей, одичавший в своей глубинке, думаешь, я много хочу? Пусть только подойдет, пусть заговорит!

Замерзшие суставы так ломят, что я закусила губы.

Терпеть! Терпе-е-еть!

Осталось совсем немного. Клубы белого рваного облака уже проглотили кусты с самого края поляны и подбираются к старой сохнувшей липе. Ещё совсем чуть-чуть!

– Жэка! Ты? Что ты тут делаешь?

Макс с недоумением вглядывался в сумерки, и хлопал себя по карманам, разыскивая сигареты.

– Мою руки, – счастливо откликнулась я.

Надо же! Сработало!

* * * * *

– Неужели ты на что-то рассчитывала? – скривилась Ксюха.

– Рассчитывала?

Нет.

Просто сходила с ума!

Просто раскачивалась на гигантских качелях, уносящих меня в облака. Улетала в поднебесье, а оттуда падала в бездну, теряя по дороге съевшееся сердце. И опять в небеса!

Невозможно быть счастливее! И несчастнее тоже....

* * * * *

Обрывки впечатлений... Фрагменты событий... Хлам! Они такие размытые и смутные, что вернее было бы расстаться с ними раз и навсегда.

Но Т Е П Е Р Ь я не могу.

Я должна сложить, словно мозаику, всё, что растеряла во времени. Я должна по крохам, по осколкам собрать огромное полотно, не ошибаясь даже в мелочах.

* * * * *

Ну, зачем мне это?

Я задыхаюсь, я дрожу, я глупею, стоит только появиться Максу.

Что случилось со мной?

И чем это Макс лучше любого другого? Две руки, две ноги, голова, ну и всё такое... Такой же, как все, но я ощущаю его каждой клеточкой кожи, даже когда не смотрю на него. Я знаю про него всё: что он любит, что терпеть не может, какую слушает музыку, какие смотрит фильмы. Мне кажется, что я даже знаю, о чем он думает сейчас и о чём подумает через минуту. Я так чувствую. Я как будто часть его.

Это глупо! Глупо и никому не нужно!

У меня нет никаких шансов, потому что его сердце занято.

Угораздило же меня так влюбиться, как будто мне не хватало проблем.

Уж чего-чего, а проблем у меня столько, что могу поделиться со всеми желающими. Просьба – подходить в порядке очереди!

В моей жизни всё не просто.

С друзьями тоже не просто. Они все из очень обеспеченных семей и по всем неписаным законам нашей жизни, меня некрасивую и небогатую, должны были бы, по меньшей мере, не замечать. Но всё сложилось иначе – я одна из Семи.

Конечно, я не сразу вошла в число избранных. Когда я только появилась в классе, на меня обрушился шквал насмешек и издевательств. Оглядываясь назад, я удивляюсь, как я смогла в одиночку выстоять против всех. Случались и драки, и бойкоты, но все-таки я не сломалась. Мне никто не подсказывал, как надо себя вести в той или иной ситуации. Интуитивно, шаг за шагом, наугад я искала правильный путь. Каким же долгим он оказался! Только в последний год моей школьной жизни меня приняли как равную. Сама же я не чувствую себя равной, и лезу из кожи вон, чтобы мои друзья этого не заметили.

Отсутствие денег и внешности приходится компенсировать мозгами. Жаль, что удается это не всегда.

* * * * *

Вечер, как вечер. Таких были сотни.

Наша тусовка в полном сборе: Леха, Кира, Антон и Дашка, ну и, конечно, Макс с Ксюхой. И я.

Великолепная Семерка в полном составе!

Странная у нас компания. Казалось бы, школьные годы уже позади, и каждый выбрал свой путь, но только снова и снова мы собираемся вместе. Собираемся несмотря ни на что, не смотря на то, что более непохожих друг на друга людей сложно найти.

Мы – люди-пазлы! Убери одного и всё развалится.

Знакомые завидуют – здорово у вас! Только нечему завидовать, потому что внутри чаще штормит, чем сияет солнце. Мы пафосные лицеисты, чванливые студенты престижных вузов, способные только на циничные и саркастические словесные излияния. И все-таки нам друг без друга плохо.

– Я в следующей жизни буду пантерой, – мечтательно заявила Кира, – и сожру свою кураторшу!

– А почему пантерой? – заинтересовался Леха. – За что такая честь кошечке? Почему не львицей, например?

– Мне черное идет, я в чёрном сексуальнее!

– А я все-таки – львом! Выспался, переимел всех львиц, сожрал антилопу и лежи-загораю, – не унимался Леха. – Макс, как тебе такая жизнь?

– Нормально, – без энтузиазма отозвался тот, покосившись на сидящую рядом Ксюху.

Макс и Ксюха ссорятся, но как всегда делая вид, что всё в порядке. Они думают, что очень умные, а мы ничего не замечаем. Мы же дипломатично изображаем придурков.

И что у них за игры? Ну, поругались, с кем не бывает. Разорались бы друг на друга, разбежались бы на несколько деньков, а потом, как нормальные люди помирились. Так нет же! Из глаз искры сыплются от злости, а они сидят с дежурными улыбками на физиономиях и портят всем вечер.

– Что-то вы неправильно мечтаете, не в ту сторону, – подал голос Антон. – Родиться в следующей жизни животным означает спуститься на нижнюю ступень. Для этого надо очень плохо прожить свою жизнь.

На занудное замечание утомленного эрудицией Антона никто не обратил внимания.

– А мне лошади нравятся. Белые! – сообщила Дашка.

– Мне тоже. Резвые кобылки! – не унимался Леха. – Блондиночки!

– Ты точно озабоченный, – скривилась Дашка.

Леха захихикал и ущипнул её за бок, за что получил от неё шлепок по спине.

– Жэка, а ты? – спросила меня Кира. – Ты бы кем хотела стать?

– Я? Птицей.

– Ага! Вороной! – оживилась Ксюха. – И чтобы под боком огромная городская свалка! Райская жизнь!

Ну, конечно! Когда ей плохо, то первое средство утешиться – нагадить другим. Особенно мне.

Ответить я не успела, потому что появился Мишель. Отвратительный субъект! Наркуша! Младший брат Макса.

– Чо надо? – помрачнел Макс.

* * * * *

И зачем я про птиц сказала? Знала ведь, что нельзя от чистого сердца. Надо было просто приколоться, что-нибудь про ёжиков или зайчиков в «капусте». Так нет же, высказалась, а Ксюха мне тут же ввернула про ворону. Прикол, конечно, у неё получился классный, и... обидный.

А чего ещё можно ожидать от Ксюхи? Она знала, куда бить, знала, что я без того всю жизнь белая ворона.

Ой, как себя жалко! Ещё заплачь врагу на радость!

Зарыдай!

Нечего расстраиваться.

Подумаешь, что Ксюха может понимать в птицах? Её только шмотки и баксы волнуют.

А я птицами восхищаюсь! Пусть говорят, что от них грязи много, что они крикливые, что у них мозги крошечные, но зато никто из тех, кто это утверждает, не способен летать. И никто этого, кроме птиц, не может!

Я могу!

Когда мне становится очень плохо.

Я закрываю глаза и представляю себя орлицей, сидящей на высоком скалистом утесе. Ледяной ветер с моря треплет мое оперенье, но я гордо, не замечая холода, осматриваю бездну, простертую у моих когтистых лап. Я смотрю свысока на всех глупых двуногих, не способных приподняться над землей даже на пару метров. Потом, вдруг сорвавшись вниз со скалы, я падаю, словно камень, но уже через мгновение за моей спиной разворачиваются мощные крылья. И тогда я несусь по тугим воздушным потокам над полями и морями, над обидами и разочарованиями, над всей разноликой планетой. И ничего прекраснее этого сладостного щемящего чувства нет!

* * * * *

Ускользает что-то важное, ... прячется в нагромождении пустых фраз и деталей... Они наползают на меня, отвлекают, не дают сосредоточиться. Что с этим делать?

Что я должна помнить? События? Поступки? А может, нет? Может быть гораздо важнее вспоминать чувства, ... ощущения...

Этого я не знаю, ... я пытаюсь не путаться в мелочах...

Пока же чаще вспоминаются какие-то пустяки, но так ярко и детально, будто я проживаю их снова.

* * * * *

Этот бункер сразу мне не понравился. Здесь можно нарваться на неприятности. Тяжелая дверь, лязгнув металлическими затворами, отрезала пути к отступлению.

Надо быть осторожной! Здесь непременно будут ловушки.

Так... так... коридор я прошла. Куда дальше? Налево или направо? Давай-ка налево...
А-а! Откуда же ты вылез?

Получи, гад!

Ничего себе! Пули его не берут! А где мой огнемёт? Вот так! Порядок!

Идём дальше...

Чёрт! Тут тупик!

Поворачиваю назад... Ой! Всё! Конец! Меня сожрали!

Под вой сирены я простилась с жизнью. Очередной, но не последней. Осталось ещё пять.

Уже через минуту я опять стою в лесу перед тяжелой проржавевшей дверью бункера.

Ещё ничего не случилось,... ещё всё может быть... ещё...

Только Т Е П Е Р Ь я знаю истинную цену этого мгновенья.

* * * * *

– Кира, что за хрень ты сварила? Это что у тебя кофе такой?

Ксюха скривилась и отодвинула от себя чашку.

– Не нравится, сделай сама, – спокойно ответила Кира.

Ксюха резко поднялась, но, ещё не успев встать на ноги, передумала и опять упала в кресло.

– Да, ладно, – отмахнулась она. – Где мои сигареты?

– Эй-эй, кури на балконе, – предупредила Кира. – У моих предков такой нюх! Они меня убьют!

Ксюха театрально закатила глаза, но все же ушла на балкон.

– Чего это она психует? – поинтересовалась я. – Шипит, как раскалённый утюг.

– А, – отмахнулась Кира. – Она с отцом поругалась. Он её в актрисы не пускает. Придется нашей красавице пыхтеть в местном универе. Вот она и бесится. Тебе ещё кофе?

– Ага, только сахара поменьше.

* * * * *

– Жека, а ты хорошо подумала? Надеюсь, ты понимаешь насколько обдуманным должно быть твоё решение?

– Мам, я с первого класса мечтала стать бухгалтером! Неужели ты не понимаешь, сколько романтики, сколько драйва в этой профессии?

Если бы не бутерброд, который я энергично пережевывала в этот момент, я бы рассмеялась. Было бы даже неплохо, если бы я рассмеялась, потому что мамуля всё приняла всерьез. Она пристально, слегка приоткрыв рот, уставилась на меня и на некоторое время замолчала.

– Жека, ты всё-таки странная девочка, – наконец, неуверенно произнесла она. – У тебя бывают такие необычные желания.

Она ещё некоторое время молчала, и я спокойно доела свой завтрак.

– Знаешь, а ты молодец! – только окончательно придя в себя, похвалила меня мамуля. – Это очень зрелое решение, я бы сказала, это выбор взрослого, серьёзного человека. Профессии финансиста, или бухгалтера нужные и востребованные. Ты всегда найдешь себе работу. А с твоим усердием и с твоими способностями в математике, я думаю, и карьеру сделаешь хорошую.

Я не возражала и, улыбаясь, слушала. Моя улыбка смутила мамулю, и она начала пристально вглядываться мне в лицо.

– А чего это ты ухмыляешься? Ты, что, несерьезно все это? Как это у вас?... Приколосась?

– Да, что ты, мам! Я серьезно. Экономика и финансы – это моя судьба.

Чтобы окончательно успокоить, я чмокнула её в щеку и вышла из кухни. Мамуля проводила меня долгим взглядом, приложив ладонь к сердцу.

Надо признать, что интуиция у мамы работает отлично. Несмотря на все мои уверения, она чувствует подвох. Скорее всего, она думает, что я решила преподнести ей сюрприз. Не дождетя! Сюрприза не будет. Я сказала ей правду. Почти правду. Фальшь все-таки есть. Я не открыла ей истинных причин моего решения.

Всё дело в Максе! Это он выбрал ВУЗ, это он выбрал специальность, это он – мой выбор! Я иду за ним, я буду там, где он, и мне плевать, какая у меня будет профессия!

Ну? И разве я могла это сказать мамуле?

* * * * *

У неё красивое имя – Марина!

Марина – значит, морская, значит загорелая, гибкая и сильная телом. Ещё мне кажется, что женщина по имени Марина должна быть темноволосой и кудрявой, похожей на итальянку.

Мамуля другая. Она как на одуванчик, выросший на солнечной полянке – хрупкая и воздушная. Она отличается от цветка-недотроги только тем, что её пушистые летающие зонтики прочно сидят на своих местах и способны выдержать даже ураганный ветер.

Мне кажется, она не всегда была такой. Ей пришлось стать сильной, чтобы выжить самой и защитить меня. Она прожила нелегкую и, на мой взгляд, не очень счастливую жизнь, но, если сказать по совести, я почти ничего об этом не знаю. Я ничего не знаю о той жизни, которая была, до тех пор, пока я не начала запоминать и оценивать её сама.

Говорить о прошлом мамуля не любит.

Зато просто поговорить обо всем на свете обожает. Она готова слушать с утра до вечера о моих делах и рассказывать сама о своих бесчисленных знакомых. Иногда она поражает меня своей наивностью, а иногда железной логикой. Иногда я посмеиваюсь над ней, а иногда мне становится безумно жалко.

Одно я знаю точно – она для меня самый близкий человек!

* * * * *

– Ты уже знаешь? – голос Ксюхи, слегка подрагивал, как будто выдавая волнение.

– Кажется, ещё нет. Пытаюсь понять...

– Странно... Я думала, что Т Е П Е Р Ь всё должно было встать на свои места.

– Не обязательно. Иногда на это и жизни не хватает.

* * * * *

Как-то всё в этой жизни неправильно устроено. Как будто, кто-то умный и добрый создал идеальный мир, а потом толи в сердцах, толи забавы ради выкрутил из отлаженного механизма болты и шурупы. И пошло всё со свистом и скрежетом вкривь и вкось!

Разве нет?

Я ни разу не встречала абсолютно счастливого человека. У каждого есть свои заморочки: то денег не хватает, то любовь не удаётся, то дети – дебилы, то муж – садист. Даже те, у кого всё в шоколаде, рано или поздно находят свою головную боль. Что уж говорить о неудачниках, которые красивую жизнь наблюдают из-за забора.

Бесконечный сериал с заезженными сюжетами и ни одного достойного финала! Все вокруг суетятся, пытаются урвать себе и кусок пожирнее, и местечко потеплее, а когда всё удалось, оказывается, что есть места ещё теплее и куски ещё жирнее.

Наверное, мы сами виноваты, что чувствуем себя обделенными. Общими усилиями мы придумали, какой должна быть идеальная жизнь, и страдаем от того, что действительность не совпадает с мечтами. Какое уж тут счастье!

Только такие страдания похожи на ... «усилитель вкуса идентичный натуральному».
По-настоящему несчастны только те... Скажем, такие, как я!

* * * * *

Она сидела напротив меня. Редкая белобрысая чёлка, веснушки на вздёрнутом носе, немного оттопыренные уши – девочка, как девочка.

Только ноги разные – одна короткая, а другая длинная и изогнутая словно колесо.

И глаза! Глаза такие, что сразу становилось понятно, как много ей уже пришлось пережить. Казалось, что внутри этой девочки спряталась седовласая старушонка. Ни наивного взгляда, ни озорных чёртиков в детских глазах. Ничего подобного нет и в помине!

Потухший взгляд искалеченной девочки вдавил меня в троллейбусное кресло.

Я не могла отвести глаз. Я всё время смотрела на несчастную, хотя понимала, что так нельзя. Надо бы равнодушно отвернуться и вести себя, как ни в чём не бывало. Уж я-то знаю, что такое эти пустые любопытные взгляды. На меня тоже часто поглядывают, как на мартышку в зоопарке – надо же, какая страшенькая!

В такие минуты и я чувствую себя инвалидом – с руками, с ногами, со зрением, со слухом... и все же... Чувство неполноценности, которое и без того сидит внутри меня, мгновенно разрастается до невиданных размеров.

Сделав над собой усилие, я все-таки отвела взгляд... и тут же опять уставилась на калеку.

Девочка, между тем, почесала себе голову чуть выше уха и отвернулась к окну. Шумная суетливая улица, пронсящая мимо, интересовала её гораздо больше набитого людьми троллейбуса. Солнечные лучи, проскакивая сквозь листву придорожных деревьев, то и дело ласково растекались по её лицу. Девочка в ответ довольно жмурилась и смешно морщила нос. Она даже начала улыбаться.

Вот так! Смотри Жека! Ты видишь? Оказывается, можно быть счастливой несмотря ни на что. Пусть всего на несколько минут, пусть от такой малости, как солнечный зайчик. Надо просто плюнуть на всё, не злиться, не роптать, не страдать от своей непохожести на окружающих. И никому ничего не доказывать!

Впрочем, а что ещё остаётся таким как она?

Но я то ведь ещё могу побороться за своё место под солнцем. Я не собираюсь всю свою жизнь простоять в заднем ряду школьного хора. Такая жизнь не для меня!

Динамик прохрипел название остановки. Опираясь на костыли, моя спутница неуклюжими отработанными движениями спустилась по ступеням и осталась за захлопнувшимися дверьми. Троллейбус набирал ход, а я всё ещё пыталась не терять её из вида. Я всё смотрела и смотрела, пока её хрупкая фигурка не растворилась в толчее равнодушного города.

* * * * *

Всё так туманно и запутанно,... угасают звуки,... не видно очертаний, ... всё смешалось...

Невероятное кажется возможным, а простое – несбыточным.

Я чувствую себя бесконечно беспомощной... бессильной... растерянной... и... приговорённой...

Я должна,... я обязана,... обязана...

Истина прячется под шелухой суеты, пустых разговоров, никчемных глупых поступков. Она так мала и так искусно замаскирована, что сразу и не поймешь, что это та самая драгоценная крупица.

Я – старатель! Я мою грязный песок, в погоне за той самой золотой каплей прозрения.

Я сдираю кожу...

Я разбиваю лоб...

Я пытаюсь найти главное!

* * * * *

У Лехи объявился дед. В Аргентине!

– Латинос! Я – латинос! Что за подстава? – изумлялся Леха.

Он ходил взъерошенный, как воробей после купания в луже и смешно тарачил глаза. Кажется, ни о чём другом он и думать не мог.

– Я-то всю жизнь думал, что словянос, а оказалось – фигня!

Он, конечно, рисовался, пытаясь извлечь из сложившейся ситуации, как можно больше плюсов. В нашей компании к нему относились с некоторой долей иронии, считая простаком. Хотя Леха всегда был весел и легок на подъём, все-таки звезд с неба не хватал. Теперь же появление экзотического деда стало для Лехи подарком судьбы, обещая придать ему особый вес в глазах окружающих.

На самом деле его любвеобильный дед, рожденный в небольшом российском городке, ничем особенным от своих соотечественников не отличался, разве что повышенным интересом к женскому полу и жадной к перемене мест. Тихое семейное счастье было не для него, и он после очередного развода, не выдержав скуки провинциальной жизни, решил навсегда покинуть страну. Сначала он уехал в Штаты, а потом новая страсть увела его в Южную Америку. Любовь жгучей аргентинской красавицы оказалась недолгой. Бурный роман быстро закончился, но пампасы напомнили скитальцу родные степи, и он осел в Аргентине навсегда. Когда же дед понял, что жизнь клонится к закату, то начал разыскивать своих детей и внуков в России. Несмотря на его бурную жизнь, потомков оказалось на удивление мало. Уж слишком стремительны были его любовные интрижки! Наверное, подруги быстро понимали его ветреный нрав, и не решались заводить от него детей. Как бы то ни было, но Леха, оказался едва ли не единственным внуком.

– Это хорошо, что я родился, а то пришлось бы деду оставлять наследство аргентинскому народу, а теперь оно будет в надежных руках, – рассуждал Леха.

Целую неделю аргентинский дед не сходил у нас с языка. Идеи одна бредовее другой будоражили нашу компанию, хотя больше всех в этом преуспел сам Леха. В конце концов, мы решили депортировать Леху в Южную Америку, выслать его в качестве подарка дружественному Южному полушарию планеты от Северного. Леха не сопротивлялся. Наверное, он тоже был не прочь познакомиться со страстными аргентинками и даже взялся учить испанский язык, но потом решил не напрягаться. Леха мудро рассудил, что с дедом можно говорить и по-русски, а аргентинским женщинам будет достаточно жестов и пламенных взглядов.

Постепенно аргентинская тема затухла сама по себе, зато все вдруг вспомнили занятные истории про своих родственников и предков. Рассказы день ото дня становились всё невероятнее, и я стала подозревать, что многие из них, мягко говоря, приукрашены. Каждый старался удивить слушателей своей историей, и каждый почти не слушал что, рассказывают другие.

Только я молчала и радовалась, что увлечённые друзья этого не замечают.

А что я могла рассказать?

У меня была только одна родственница – мамуля!

Ни бабушек, ни дедушек, ни тетушек, ни дядюшек – никого! Моё генеалогическое дерево похоже на телеграфный столб. Отвратительное ощущение!

Это давняя проблема. Время от времени десятки разных вопросов терзают меня, но я знаю, что расспрашивать мамулю бесполезно. На всё расспросы о прошлом наложено табу!

* * * * *

Жаль, что я проснулась. Я ещё не открыла глаза, но уже знала, что не сплю. Если сейчас разомкну веки, то мой прекрасный сон стечёт по ресницам на щеки, а там испарится, словно утренняя роса. Мне не хотелось отпустить его.

Я маленькая.

Совсем малышка. Только что научилась ходить.

Нет, не ходить – бегать! Мне мамуля рассказывала, что я сначала бегала. Пробую шагнуть – сразу падаю, а когда бегу, на скорости упасть не успеваю. Вот так и бегала пару месяцев, пока не почувствовала уверенность в ногах.

Я бегу.

Трава цепляется за меня, словно хочет остановить, но ноги вырываются из пут и без остановки несут меня вперед. Я и сама хочу остановиться, но не могу, не знаю, как это сделать. Мне страшно, и я на бегу начинаю реветь. Всё плохо. Мама осталась где-то далеко позади, а впереди неизвестность. И тот момент, когда я уже не жду ничего хорошего, меня подхватывают уверенные руки.

– Куда разогналась? Ну-ка, иди ко мне!

Отец! Я затихаю в его больших ладонях, как в колыбели. Здесь хорошо, тепло и уютно, и мне нравится запах. Так пахнет только от него – чем-то сильным и ароматным, от чего у меня щекочет в носу. Мне так спокойно, что после недавних волнений, я почти сразу засыпаю в его руках.

И просыпаюсь.

Мой прекрасный сон, как слезинки, стекает по ресницам.

* * * * *

– Мамуль, я дома!

Мне никто не ответил. Я быстро окинула взглядом прихожую. В углу стоят её единственные повседневные туфли со скошенным каблуком. Есть ещё одни, лаковые, на выход, но мамуля их почти не носит, бережет. Честно говоря, я подозреваю, что они ей просто жмут. На полке у зеркала, лежит её сумка. Без неё мамуля из дома не выходит. Значит, она дома. Почему же так необычно тихо? Нигде не льется вода, никто не гремит посудой на кухне, не играет музыка. Я быстро сбросила обувь, положила свою сумку, и, осторожно ступая, заглянула в комнату мамули.

На раскладном диване, сложенного по случаю полуденного времени в диванчик-недоме-рок, лежала мамуля. Видимо от недостатка пространства она спала, поджав ноги и опустив низко голову.

Её поза мне что-то напомнила... а, ну, конечно! Так лежат не родившиеся дети в чреве матери. Так спят люди, которые подсознательно ищут защиту. Это я точно знаю – недавно прочла в Интернете. Сжался спящий человек в позе эмбриона, значит, его что-то беспокоит, и он пытается защититься. Словом, проблемы у человека, даже когда он этого и сам не осознает. Там ещё много интересного рассказывалось, статья была длинная и жутко умная, но я уже почти ничего не помню. А вот про позу эмбриона сразу запомнила.

Интересно, а от чего хочет защититься мамуля?

Я напряглась и озабоченно уставилась на неё, и тут же сама себя одернула – хватит фантазий! Ей просто стало зябко, оттого она и сжалась во сне. Глядя на мамулю, я тоже передернула плечами. Несмотря на тёплый солнечный день, у нас в квартире, как обычно, было прохладно. Я зашла в комнату и взяла небольшой клетчатый плед, висевший на спинке стула. Чтобы расправить его пришлось слегка встряхнуть, и тут поток воздуха, рождённый этим движением, сдул с дивана прямо мне под ноги незнакомую фотографию. Разве я могла не взглянуть на неё?

Снимок был старый, любительский, и с него на меня смотрел светловолосый парень, удивительно подходивший на роль Иванушки в какой-нибудь русской народной сказке. На обороте размашистым почерком было написано: «Самой прекрасной девушке на свете. Твой Женька».

Могу поклясться, что никогда не видела этого парня. Я осторожно положила снимок на место и внимательно присмотрелась к лицу мамули. Кажется, она недавно плакала. Ресницы слиплись и ещё даже не просохли. Чего это она? Из-за него что ли?

Забыв о пледе, который всё ещё держала в руках, я начала озираться по сторонам. И вдруг на столе за стопкой журналов я увидела необычную шкатулку, покрытую черным лаком. Её углы и замочная скважина были инкрустированы металлом, а в замке торчал небольшой красивый ключик. Шкатулка, несмотря на свои внушительные размеры, производила впечатление игрушечной. Затаив дыхание, я подошла к столу и робко прикоснулась пальцами к её блестящей поверхности. Чудесная находка была похожа на сказочный ларец какого-нибудь волшебника, и только детально разглядев её жестяные украшения и облупившийся лак, я разочарованно вздохнула – дешёвая поделка.

И всё-таки эта шкатулка ещё могла оказаться ценной находкой.

А вдруг это как раз то, что я долгое время искала и никак не могла найти?

С некоторым трепетом я открыла крышку этой загадочной шкатулки.

Точно! Я угадала!

Здесь было всё – письма, бумаги, фотографии.

Здесь было то, что он меня тщательно скрывали.

Здесь были ответы на мучающие меня вопросы.

Ещё раз оглянувшись, я протянула руку к лежащему сверху письму и... в это время на диване заворочалась мамуля. Боясь попасться на неблагоприятном поступке, я быстро закрыла шкатулку и потихоньку вышла из комнаты. И пусть сейчас мне ничего не удалось узнать, зато теперь я знала, что искать и обязательно выберу удобный момент, чтобы покончить с нашими семейными тайнами.

Весь оставшийся день я терялась в догадках, кто бы это мог быть на том снимке. Почему мамуля так бережно хранит его фотографию? И почему его, как и меня, зовут Женькой? К вечеру мои любопытство и нетерпение достигли такого накала, что я все же решилась заговорить.

– Мам, а почему моё отчество Александровна? – осторожно поинтересовалась я.

– Потому что твоего отца звали Александр, – спокойно ответила мамуля.

– А вот бы было здорово, если бы моего отца звали Евгением, – весело, стараясь скрыть дрожь в голосе, выпалила я. – Представляешь, я была бы Евгения Евгеньевна.

Ожидая реакции, я впиалась в неё глазами. Вначале съёжившись, мамуля все-таки быстро взяла себя в руки.

– Хватит болтать чепуху, иди-ка, сходи за хлебом, а то ужинать не с чем.

Судя по её тону, говорить дальше на интересующую меня тему не имело смысла. Позднее я много раз ругала себя за этот опрометчивый разговор, которым я выдала себя с головой. Всё последующие дни, как только выдавался случай, я пыталась разыскать ту самую шкатулку, но все мои усилия оказались напрасными.

С тех пор я больше её так и не увидела. Скорее всего, с того дня эта бесценная вещица покинула стены нашего дома.

* * * * *

Воспоминания...

Порой они выползают из глубин прошлого, как вагончики детской железной дороги, один за другим, вытягивая, и подталкивая друг друга. Каждый вагончик – отдельный эпизод, отдельное воспоминание, но они так торопятся и наползают один на другой, что путают и смущают меня.

Чаще бывает по-другому, и моё прошлое клубиться вокруг словно мутное облако. Сквозь пелену мне видятся какие-то неясные очертания, как будто знакомые, но пока ещё едва различимые. Они могут безвозвратно растаять, а могут и проявиться, словно кадры старого чёрно-белого фильма. Эти пока ещё схематичные картинки рожают чувства, которые, как сухие дрова, подброшенные в костёр, разжигают едва тлеющие воспоминания. Появляются звук и цвет. И это уже не кино. И я уже не зритель.

Я персонаж! Главное действующее лицо!

* * * * *

Зелёная тетрадь с изображением экзотической жабы на обложке, где же ты? Если я тебя сейчас не найду, то на зачёт по бухучёту можно не надеяться. Наша БухТа без конспектов даже в аудиторию не пустит. Она, конечно, зануда, но предмет знает, и очень старается, чтобы и мы знали. Денег не берет, чудачка! И прозвище у неё чудное – БухТа.

Бух – бухгалтер. Та – Татьяна – Татьяна Викторовна, которая бухтит про бухгалтерию.

– Мам, ты мою тетрадь с жабой не видела?

Мамулин силуэт замаячил в дверном проёме.

– Видела, – ехидно прищурив глаза, сообщила она.

– Фу-у! – облегчённо выдохнула я. – Где она?

– Где бросила, там и лежит.

Мамуля поджала губы и развернулась, чтобы уйти.

– Мам, я зачёт завалю! – взмолилась я. – Где она?

Мамуля притормозила.

Вот за что люблю её, так за отходчивость. Все карательные меры длятся у неё не более пяти минут.

– Чай пила?

Всё. Я поняла. Пару часов назад я пила чай на кухне и одновременно листала тетрадь. Похоже, я там её и оставила. Обогнав мамулю, я ринулась на кухню.

Точно! Вот она! На подоконнике.

Жаба, и без того смотревшая на мир удивленными глазами, сейчас выглядела растерянной и обескураженной. Пребывание на кухне смущало её и не вселяло оптимизма. Я почесала мизинцем её нос.

– Не волнуйся, красавица, тебя не съедят! Ты закончишь свою жизнь в мусорном баке, но только после того, как я сдам все экзамены. А, может, даже до диплома доживешь.

Мамуля смотрела, как я разговариваю с картинкой, и неодобрительно покачивала головой.

– Ну, как дитя малое! С жабой разговаривает!

– А что? Очень даже симпатичное создание, глянь-ка!

Я повернула к ней тетрадь.

– Фу! – поморщилась мамуля. – Ты вот лучше мне скажи, Жека, почему у нас не бывают твои друзья?

Я опешила. Мамуля без сюрпризов не может. Нашла время и тему!

Почему мои друзья у нас не бывают? А что им тут делать? После особняков и роскошных квартир, наша «хрущоба» покажется им чем-то вроде кроличьей норы. Как сказать ей, что мне стыдно показывать им нашу микроскопическую двушку? Они, конечно, знают, что я живу не в апартаментах, но лишний раз демонстрировать свой убогий кров, мне вовсе не хочется.

Не найдя, что ответить, я только пожала плечами.

– Настоящим друзьям важно, не в какой квартире ты живешь, а какой ты человек! – фыркнула мамуля.

Вот номер! Она, что, мои мысли прочла?

– Мам, да они просто заняты, – поспешила я успокоить мамулю.

– Конечно, заняты! Уж, лет пять, как заняты!

Теперь уже она пожала плечами и вышла из комнаты.

– Мам, они заходят днём, когда ты на работе, – крикнула я ей в след.

Конечно, я соврала.

* * * * *

Мамуля всегда боялась, что у меня не будет друзей. Хлебнув полной чашей своего одиночества, она с неуёмной энергией искала и находила компанию для меня. Сколько я себя помню, при каждом удобном случае мамуля собирала у нас дома целую ораву окрестной мелюзги.

– Жека, девочка моя, посмотри, как у нас весело! – захлёбываясь восторгом, без конца повторяла мамуля.

Кажется, что она радовалась нашествию дворовых варваров больше всех. Я же их всех тихо ненавидела. Они ломали мои игрушки, орали и оставляли после себя кучи мусора, который потом мы убирали до позднего вечера.

Приближение очередного дня рождения вообще превращалось для меня в пытку. Накануне мы отправлялись в обход по окрестным домам. Рано утром мамуля цепляла мне на темечко огромный бант, который я терпеть не могла, и надевала самое нарядное платье. Я до сих пор не знаю, зачем это было нужно, потому что на улице стояла поздняя осень, и мы ходили по подъездам, не снимая пальто и шапки. Бант, придавленный шапкой, так оттягивал мне волосы, что кожа под ним болела ещё и на следующий день.

Приглашенных набиралось до десятка человек, но они никогда все не приходили. Я подозреваю, что мамуля специально звала гостей с запасом, зная, что придут трое-четверо. Впрочем, сколько бы приглашенных не пришло, подготовка к праздникам была основательной. Закупались угощения, сочинялись игры, репетировались домашние кукольные спектакли, где всегда было только два актёра – я и мамуля.

Странно, но я почти никого из тех моих гостей не могу вспомнить.

Кроме двоих.

Толстый мальчик Славик из квартиры напротив всегда прямо с порога усаживался за стол, и неторопливо со знанием дела уплетал угощения. Потом, не проронив ни слова, он устраивался на диване и долго рассматривал какую-нибудь яркую книжку. А ещё он с таким же невозмутимым видом задирали юбки моим куклам и долго, со знанием дела рассматривал, что там находится.

Каждый раз приходила ко мне и девочка из соседнего подъезда. Если я не ошибаюсь, её звали Тоней. Она постоянно шмыгала носом и на любое обращение к ней отзывалась вопросом: «Чо?». Играть и разговаривать с ней было невозможно, потому что она всегда думала о чём-то своём и отвечала невпопад. Она до сих пор живет в соседнем подъезде.

– Чо? – откликается она на каждое моё приветствие и шмыгает носом.

Когда я пошла в школу, кошмарные праздники повторились уже с одноклассниками. Мамуля свято верила, что эти сборища помогут мне найти друзей в классе. Но она ошибалась,

а я даже не пыталась разубедить её. Мои одноклассники приходили в наш дом только за тем, чтобы на следующий день было, над чем посмеяться.

* * * * *

Мне не нравится думать о прошлом.

Что там?

Всё попытки отыскать что-нибудь хорошее и светлое, разбиваются о нагромождения неприятных воспоминаний.

С самых ранних лет я чувствовала, что со мной что-то не так. Я отлично помню, что меня добрую и наивную переполняла любовь ко всему миру, ко всем окружающим меня людям. Я помню, как моя неуёмная энергия выталкивала меня вперед при каждом удобном случае.

Можно это я сделаю?

Разве вы не видите, какая я хорошая?

Только всегда находилась твердая взрослая рука, которая преграждала мне путь, и всегда находился строгий голос, призывающий меня к порядку. Моё усердие и мой энтузиазм встречали не одобрение, а равнодушие и насмешки. Окружающие, от мала до велика, старались от меня отделаться как можно быстрее.

Всё, что по настоящему греет душу, как правило, связано только с мамулей. В её любви и заботе недостатка не было. Она опекала меня с неистовым рвением, но и она не могла объяснить малышке с доверчиво распахнутыми глазами, почему на детском празднике принцессами становятся другие девочки.

Я сильно огорчалась и не понимала, почему так происходит.

Почему?

Почему в школьном хоре, меня всегда задвигали в самый дальний угол, хотя пою я лучше многих?

Почему мои одноклассники насмеваются надо мной и зовут меня «Крокодилом»?

Почему, несмотря на хорошие оценки, меня терпеть не может училка?

Почему то, что другим достается почти даром, мне приходится зарабатывать с большим трудом?

И я зарабатывала! Умом, терпением, хитростью – все средства хороши!

Меня обижали – я улыбалась, задавив желание выпцарапать глаза обидчику. Надо мной насмехались – я, проглотив сдавивший горло ком, смеялась вместе со всеми. Мои усилия не вдруг, но мало-помалу увенчались долгожданным результатом.

Умная, добрая, веселая Жека – свой парень!

Контрольные у меня не списывал только ленивый.

* * * * *

В старших классах моя школьная жизнь стала более или менее сносной. Повзрослевшие одноклассники уже не так сильно донимали меня. Как правило, со мной общались на равных, хоть при этом и не стеснялись использовать меня в корыстных интересах по разным поводам. Я не противилась этому. Мне нравилось быть такой, как все. Со мной разговаривали, со мной шутили, а иногда со мной даже делились секретами. Только близко все равно не подпускали.

Всё решил случай.

В середине сентября, в тот последний выпускной год, случилась неприятная история. Ксюха отличилась. Она притащила в класс диск с немецким порно, который сразу стал главной темой дня. Диск гулял по классу и срывал уроки. На учителей уже никто не обращал внимания. Вероятно, всё сошло бы с рук, если бы не красноречивые картинки, украшающие DVD.

Обнаружила этот диск училка по информатике, и тут же на своем компьютере проверила соответствие содержания диска и его внешнего оформления.

Шум поднялся невиданный.

– Кто принес это безобразие? – негодовал пунцовый директор, оглядывая притихший класс.

И не сносить бы Ксюхе головы, если бы не Макс.

– Я! – громко заявил он. – Я принес это безобразие.

Макс стоял, гордо подняв голову, словно ожидая выстрела. Обалдевшая от такого поворота событий, я услышала, как облегчённо вздохнула Ксюха, сидевшая позади меня.

По классу прокатился ропот, а гневный рык директора сменился на злорадную ухмылку людоеда.

Макса забрали. С вещами. В кабинет директора.

Уже после занятий мы узнали, что на следующий день был назначен экстренный педсовет. По лицу поползли слухи, что Макса собираются линчевать, вкатить ему наказание по полной программе.

Весь день я не находила себе места. Я кипела от возмущения.

Может пойти и всё рассказать? Макса это спасет, но вот меня потом...

Одноклассники мне этого не простят! Стукачей не любят! Надо придумать что-то другое! Только вот что?

К вечеру, так и не придумав ничего, что могло бы спасти невинного, я, сама не помню как, оказалась в школьном дворе.

Как выяснилось позже, пришла туда не только я. Стоило мне завернуть за ближайший угол здания лицея, как я сразу заметила несколько тёмных фигур. Меня не увидели, и я, притаившись в тени раскидистого дерева, исподтишка стала наблюдать.

Их было пятеро. Элита нашего класса. Не было только Макса.

– Да-а! Высоковато!

Этот голос, несомненно, принадлежал Кире.

– Зато водосточная труба рядом, – с энтузиазмом возразил Леха.

– А если по пожарной лестнице? По ней удобнее.

Ага! Это произнесла Ксюха. Я сердито поджала губы, вспомнив, как великодушно она позволила Максиму отдуваться вместо неё.

– С ума сошла? – осадил её Антон. – А до окна как? Прыгать будешь? Или у кого-то из нас есть крылья?

– Лёха прав! – подытожила Кира. – Лучше лезть по водосточной трубе.

Всё замолчали и, задрвав головы, уставились на окно, которое находилось на втором этаже. Я раскрыла рот от удивления. Они собрались забраться в кабинет директора? Ничего себе!

– Проблема в другом, – задумчиво произнес Антон. – Форточка слишком маленькая. Застрясть можно.

А ведь он прав! Здание, где располагался лицей, имело какую-то там архитектурную ценность. Несмотря на свои пластиковые евро внутренности, снаружи ему сохранили исторический вид. Оконные переплеты тоже сделали по образцу тех, которые раньше были в этом доме. Вот в этом и заключалась проблема – форточки на старинных окнах были небольшими.

– Там пролезть сможет только очень худой человек, – продолжал Антон. – Кто полезет?

Все оглянулись на молчавшую Дашку. Она была самой миниатюрной, и только она смогла бы влезть в форточку, которую забыли закрыть перед уходом.

– Я... не смогу... я высоты боюсь, – пролепетала Дашка.

– Не... она не сможет, – поддержал её Леха. – Вы что не видели Дашку на физкультуре? Она же на перекладине висит, как сосиска, а тут подтягиваться надо.

Спорить никто не стал. Все замолчали.

– Я! Я полезу!

Мой прыжок из темноты стал сюрпризом не только для заговорщиков, но даже для меня самой.

– Жека? Ты? Откуда? Ты что подслушивала? – услышала я со всех сторон.

– Подождите! Подождите! – остановил гвалт Антон. – А ведь она права! Жека ещё хуже Дашки и со спортом дружит. Давай Жека, лезь, а мы поможем.

– Я готова, – уже не так уверенно подтвердила я. – Только это, ... а что там надо сделать?

Мне объяснили, что Макс, прежде чем попасть в крепкие руки разгневанного отца, успел рассказать, где лежит диск. Сейчас именно эту важную улику надо утащить из кабинета директора. Не будет диска – будут одни разговоры, которые скоро утихнут. Макса это спасёт.

– Только перчатки надень! – позаботилась Кира. – На! Я принесла. А то придется тебе в тюрягу передачи носить!

С этого дня я обрела настоящих друзей. Диск мы стащили, и Макса, в конце концов, оставили в покое. Правда, лицей еще долго бурлил, но куда исчез диск никто так и не узнал.

* * * * *

Может быть, я что-то путаю, ... говорю, ... вспоминаю невпопад?

Я не нарочно...

Т Е П Е Р Ь всё по-другому. Всё поменялось.

Оценки... Масштабы...

То, что прежде казалось ерундой, вдруг приобрело невиданного размера важность. То, от чего раньше «срывало крышу» стало ничтожным.

Даже течение времени стало иным. Кажется, что прошлое вырастает из будущих событий.

* * * * *

Жизнь бывает разной. Счастливой и не очень. Она такая, какой ты сама хочешь её видеть. Если хотя бы некоторое время не вспоминать досадные обстоятельства, то она покажется прекрасной.

Как сейчас!

Я еду в машине Макса. Он такой милый и весёлый в это утро, как, впрочем, почти всегда, когда подвозит меня в университет. Среди наших друзей только я пешеход. У меня одной нет машины. Макс первый и единственный догадался заезжать за мной по утрам. Я его не просила, а потому, когда он предложил мне ездить с ним, я чуть не сошла с ума от радости.

Макс добрый, и мне с ним легко. Кажется, и ему со мной тоже.

– Жека, классная ты девчонка, и весело с тобой, и поговорить есть о чём. Вот бы Ксюхе такой характер.

Ах, Макс, вот если бы мне Ксюхину внешность! Какими бы мы были счастливыми с тобой!

Я так размышляла тогда, что почти весь оставшийся путь промолчала. Макс тоже о чём-то задумался.

Надо же! С ним даже молчать – кайф!

* * * * *

– Я уеду отсюда, – доверительно сообщил мне Мишель.

Я не ответила. Мишель явно был не в себе. Обкололся? Накурился? Я ничего не понимаю в сложной жизни наркоманов. Они пугают меня. Всю свою жизнь, я старалась держаться от них

подальше. Мне всё равно как они живут, и что с собой делают. Если им нравится такая жизнь, пусть так и будет. Я просто не хочу иметь с ними ничего общего.

– Уеду. Задолбали меня здесь!

Не хватало только мне его рыданий в жилетку.

– Макс когда придёт?

– Скоро! Ты подожди... Нет, правда, я решил – надо срываться!

Он сидел на краешке дивана, и сосредоточенно, что-то прикидывал в уме. Если тот у него вообще был. Мишель в самого детства был со странностями. Удивительно, они с Максом – родные братья, а такие разные. Макс – светлая голова, а Мишель – сплошное недоразумение. На него даже родители махнули рукой. Купили ему квартиру и выселили из их фамильного особняка.

Макс какое-то время боролся за брата, но безуспешно. Теперь он только приносит каждые две недели деньги от отца, да время от времени живет у Мишеля, чтобы квартира совсем не превратилась в притон.

– А хочешь, Жека, со мной?

– Куда?

– Как куда? Ну, в Лондон, конечно!

– Ну, ты даёшь! А Макс-то знает о твоих планах?

– Нет. Ты ему пока ничего не говори. Я сам!

Мишель встал с дивана, и начал ходить из угла в угол. Он что-то нашептывал, суетился и, кажется, забыл о моем присутствии.

И хорошо! Пусть не пристаёт со своими фантазиями.

Мишель ещё немного потоптался перед моими глазами и вышел из комнаты.

Где же Макс? Он сказал, что придет сюда к трем, я сейчас уже пятнадцать сорок семь.

Хлопнула входная дверь. Наконец-то!

– Макс! Ты? – обрадовалась я.

Молчание.

Я осторожно выглянула в коридор.

– Мишель?

Тоже тишина.

Я что осталась здесь одна? И что теперь делать? Уйти? Или ждать?

Я опять опустилась в кресло, и, повертев в руках диски, которые я принесла Макс, прикрыла глаза. Тихо. Только в оконное стекло бьётся перепуганная муха, да за стеной Распутина просится в Гималаи. Бред! Неужели кто-то это слушает? Уж лучше вопли ошалевшей от безысходности мухи.

Наверное, я заснула, потому что когда я снова взглянула на часы, было уже почти шесть вечера.

– Ау?

Тишина.

Надо уходить. Звонить Макс я не буду. Ни к чему ему знать, что я ждала его три часа. Как бы я к нему не относилась, но сегодня он обошелся со мной, как свинья. В конце концов, я тоже могу обидеться!

Захлопнув дверь, я спустилась по лестнице, проигнорировав лифт. Сейчас мне совсем не хотелось столкнуться с Максом. Медленно я прошла по безлюдному двору и повернула в тёмную арку, ведущую на шумный проспект.

Вдруг из-за угла выскочил Мишель. Он бежал так, будто за ним гналась свора разъярённых псов. Он несся прямо на меня. С испугу я посторонилась, но Мишель все же наскочил на меня и сильно прижал к стене.

– Спрячь! Быстрее! – срывающимся голосом выкрикнул он, и помчался дальше.

У меня в руках оказалась какая-то сумка. Ничего не понимая, и ещё не разобравшись, правильно ли поступаю, я сунула сумку в пластиковый пакет и вышла на проспект.

После сонной квартиры и угрюмой арки бурлящая жизнь города, слегка оглушила меня. Может, я ещё не совсем проснулась? Во всяком случае, сейчас в моей голове не было ни одной достойной мысли. Так, какая-то каша из обрывков мыслей и обломков ощущений.

Смешавшись с толпой, я прошла метров десять, когда услышала визг тормозов. Из потрепанной иномарки высочили двое крепких парней и, растолкав прохожих, скрылись в арке.

От моего расслабленного состояния не осталось и следа.

– Ничего себе! – прошептала я мгновенно пересохшими губами.

Надо срочно срываться отсюда! Кажется, я влипла в неприятную историю.

* * * * *

Когда все идет как по нотам, когда события и встречи выстраиваются сами по себе так логично и счастливо, как будто указывают путь, кто будет этому противиться? Да и надо ли это делать?

Я заметила, что люди начинают задумываться и искать первопричину событий, только, когда становится плохо. А когда всё идёт, как по маслу, зачем напрягаться?

Кому придет в голову, что удача и счастливое стечение обстоятельств, могут оказаться самым сильным искушением и самым тяжким испытанием!

* * * * *

Он сидел у окна, в дальнем плохо освещенном углу и отчаянно напивался. Немолодой, небритый, но с удивительно ясным взглядом, который не смог затуманить даже алкоголь. Я его не сразу заметила. Мне вообще не было до него никакого дела.

Мне было плохо. Этот вечер я просто не могла пережить. Острое чувство одиночества и полной ненужности в этой жизни накрыли меня с головой. Мне хотелось бежать, сломя голову, как можно дальше от всего, что окружает меня, от своей жизни, от себя самой. Только куда? Если бы я это знала, то не сидела бы за барной стойкой в своей супер-мини-юбке.

Два коктейля я уже выпила и заказала ещё. Пока бармен колдовал над заказом, я повернулась лицом к залу и тут поймала на себе заинтересованный взгляд. На меня часто смотрят, но не так.

– Любитель экзотики, – съязвила я и отвернулась.

Не тут-то было. Он смотрел, не отрываясь. Его пристальный взгляд прожигал мне кожу, он скользил по моему телу, пробежал холодком по затылку, путался в волосах. «Иди к чёрту! Только тебя мне не хватало», – прошептала я, и, отодвинув коктейль, заказала водки.

Я редко пью крепкие напитки, но пить умею. Меня научили. Друзья. Ещё в школе. Это не сложно. Надо выдохнуть, потом поднять высоко подбородок, так чтобы ротовая полость и пищевод превратились в нечто, похожее на отрезок прямой трубы, и одним движением вылить жидкость прямо в желудок. Получилось? Тогда, не дыша, подносишь рукав куртки к носу, и шумно втягиваешь воздух. Всё! Можно не закусывать!

Надо сказать, что из всей прекрасной половины нашей компании у меня этот трюк получался лучше всех. Может, потому что я была не прекрасной?

Сейчас в баре я, конечно, не стала показывать высший пилотаж, а просто выпила эту обжигающую жидкость. Легко. Даже не поморщившись.

– Не поможет, – услышала я рядом.

Незнакомец сидел на соседнем стуле. Он развернулся ко мне всем телом, широко расставив ноги.левой рукой он уперся в колено, а правая рука служила подпоркой его голове. Локтем он облокотился на стойку, а на ладонь положил щёку.

– Я пробовал, – вздохнул он. – Много раз. Каждый раз надеюсь – поможет! Не помогает. Мозги затуманит, а душу не успокоит.

– А мне и не надо, – с вызовом ответила я. – У меня все в порядке.

– Брось! Я старый волк! Бравადой меня не смутишь.

Он вздохнул и повернулся лицом к стойке.

Я тоже слегка расслабилась. Кажется, он меня не клеит. Кажется, ему бы поговорить. А почему бы и нет? Разве мне сейчас не одиноко? Разве мне не хочется, чтобы хоть кто-то, хоть один человек во всем свете услышал меня, понял, пожалел? А он завтра всё равно ничего не вспомнит.

– Хреново мне, – совсем тихо произнесла я, словно испытывая его.

Если ответит – значит, услышал, значит, хочет услышать, значит, ему не плевать, что я сейчас чувствую.

– Вижу, – тоже тихо ответил он, не глядя на меня, – и даже знаю причину.

– ?!

– Одиночество! Будь оно не ладно! Людей вокруг столько, что не пройти, а рядом никого.

– Вам тоже это знакомо?

– Ещё как! Только у тебя дела лучше моих.

– С чего бы это?

– Ты молода, а это много значит. Это большое преимущество, ты потом поймешь. Молодость – это счастье!

– Может быть. Вот только не с моей внешностью, – распалилась я

Сейчас мне уже было всё равно, что передо мной мужчина, незнакомый и захмелевший. Моя обида на судьбу, обделившую меня самым необходимым, была готова выплеснуться горячими слезами. Я едва сдержалась.

– Внешностью, говоришь? Да из тебя любой более или менее профессиональный хирург, такую красотку сделает – только держись.

Он повернул ко мне низко склоненную голову и посмотрел слегка исподлобья. Руки он сложил на стойке, как школьник, одна на другую. Я невольно задержала на них взгляд. Большие, почти квадратные ладони, крепкие, уверенные и очень ухоженные. Маникюр он, может, не делает, но вот заботится о них, несомненно. Да и сам он, несмотря на немалое количество выпитого алкоголя и трехдневную небритость, выглядел вполне аккуратно. Одет непринуждённо и не безвкусно.

– Из меня – красотку, из тыквы – карету, из мышей – белогривых лошадей! Ну да!

– Не веришь. Ладно. Сейчас.

Он начал что-то искать в карманах, и это что-то не находилось. Он даже встал со стула. Наконец, нашёл. Мой собеседник, довольно улыбаясь, протянул мне визитную карточку.

– Штольц Сергей Семёнович, пластический хирург, – прочитала я. – Ого!

– Теперь поверишь? – спросил он.

– Попробую, – неуверенно согласилась я.

– Так вот я тебе, девочка, как профессионал скажу – у тебя кости хорошие.

– Это как? – не утерпела я.

– А так, все твои несчастья в хрящах и мягких тканях, скелет и череп почти идеальные. Работы с тобой много, но и результат будет потрясающий. А ну-ка, встань!

Я, обалдевшая от его слов, беспрекословно подчинилась.

– Так и думал. Ноги у тебя блеск! – констатировал он и даже, чтобы усилить своё восхищение, поджал губы. – Тут природа-матушка не промахнулась!

Чистая правда! Ноги у меня на самом деле красивые, не зря же я ношу свою супер-мини-юбку.

– Готовь, голубушка, деньги и побольше! Даром никто с тобой возиться не будет, и всё у тебя станет прекрасно.

– А сколько всё это будет стоить? – воодушевилась я. – Хотя бы в общих чертах. Я же должна знать, сколько готовить.

И тут он мне назвал такую цифру, что у меня потемнело в глазах.

* * * * *

Какой умный человек придумал устраивать кафе в больших магазинах! Мы с Дашкой еле доползли до стульев.

– Кто пойдет за кофе? – устало спросила Дашка, но, взглянув на меня, обреченно бросила. – Ладно. Сиди.

– Даш, тут же есть официанты, давай подождём, – заняла я.

– Ну, уж нет! Мне и прошлого раза хватило! Забыла, как нас тут обслужили? Я лучше схожу. А ты охраняй пакеты.

Дашка пошла к стойке за кофе.

Человек! Говорят, что деньги портят людей, но я в это не очень верю. Из нашей компании у Дашки самые крутые родители. У них даже в Европе есть бизнес – что-то связанное с нефтепереработкой. И что? Испортило это Дашку? Да ничуть!

– Что Кира ещё не появилась? – удивилась Дашка, ставя чашки на стол. – Слушай, она на обуви просто помешенная, если зайдет в отдел, то на полдня. Похоже, сегодня мы её не дождёмся.

– Дождёмся, – успокоила я. – Вон она! Легка на помине!

Кира мчалась к нам на всех парах. Она так торопилась, что чуть не потеряла сумку.

– Девчонки, я что узнала, – выпалила она, упав на стул. – Мне сейчас Ксюха звонила.

Она схватила мой кофе и, обжигаясь, отхлебнула добрую половину чашки.

– Ну... – поторопила её Дашка.

– Макс в больнице!

– Ма-а-акс? Как? Что с ним? – наперебой затараторили мы.

Кира, обжигаясь очередным глотком кофе, замотала руками.

– Ой, да не с ним... Он там дежурит. Его брата избили.

– Мишеля? – робко спросила я.

– А что у Макса есть другие братья, – удивилась Кира. – Я о других что-то не слышала.

– Сильно избили? – поинтересовалась я.

– И за что? – подхватила Дашка.

– Может вам и имя киллера назвать? – скривилась Кира. – Я-то откуда знаю.

* * * * *

Пачки банкнот лежали плотными ровными рядами.

Зрелище не для слабонервных! От одного взгляда на них начиналось легкое головокружение.

Странно, просто кусочки разрисованной бумаги, но с такой невероятной энергией, словно спящий ядерный реактор.

* * * * *

Пережаренная котлета аппетита не вызывала. Серые макароны тоже.

– Мам, а кетчуп-то хоть есть?

– Ну, конечно. Там, в холодильнике.

Мамуля сегодня священнодействует на кухне. В клетчатом переднике, с рукавичкой-прихваткой на левой руке она выглядит так, как будто снимается в рекламе лапши быстрого приготовления.

Глядя, как я заливаю кетчупом свой обед, она удручённо вздохнула.

– Нам опять зарплату задерживают.

– Надолго?

– Сказали, чтобы на этой неделе даже и не спрашивали.

– Мам, у нас с деньгами совсем плохо? Что будем делать? Начнем лечебное голодание?

– Не переживай, Жека. Мне тётя Валя обещала долг вернуть. Как-нибудь протянем.

Она опять вздохнула и ушла к плите греметь кастрюлями.

– Мам, нас Дашка пригласила к себе на дачу погостить. Я поеду, а? Всё одним ртом меньше.

Мамуля недовольно поджала губы.

– Мам, ну всего недельку, а... Там воздух свежий, озеро, солнце. Представляешь, сколько я здоровья привезу!

Против таких аргументов мамуля не устояла. Здоровье ребёнка – это святое!

Она присела рядом со мной за обеденный стол и подпёрла голову рукой.

– А хорошо там сейчас у них за городом, – мечтательно произнесла она.

– Хорошо, – согласилась я.

* * * * *

Здорово, когда у тебя день рождения летом! Такое чувство, что вся природа рада твоему появлению в этой жизни: и цветов тебе – поля, и плодов тебе – сады, и солнца – через край! Повезло! Не мне. Опять не мне, а Дашке.

Мне достались дожди и туманы второй половины ноября. Я – Скорпион по гороскопу, или точнее Змееносец. Или и то, и другое. Сама не знаю. Пусть сначала астрологи разберутся.

Дашка же – Львица! Не очень типичная. Не стерва, без особо бросающихся в глаза царственных манер, но когда она рядом, две наши красавицы, Кира и Ксюха, больше чем на фрейлин не тянут.

Дашка пригласила нас к себе на дачу в честь своего двадцатилетия. Хотя то, что она скромно именуется дачей, больше напоминает виллу голливудских звезд. Я, конечно, не гостила ни у кого в Голливуде, но их апартаменты именно так себе и представляю. Ну, разве, что больше размером.

– Зря Макс не поехал, – изрёк Леха, потягиваясь в шезлонге. – Много потерял.

– Ну, это ты напрасно, – возразила Кира. – Как бы он тут расслаблялся, зная, что брат в больнице?

– Ну и что? Там врачи, родители, да и Мишель не в таком уж тяжёлом состоянии, – упрямылся Леха. – Что? В больнице некому синяки йодом намазать?

– А я тоже думаю, что Макс слишком много нянчится со своим недоумком, – поддержала его Ксюха.

Кира только пожала плечами. Она была не согласна, но спорить больше не стала.

На площадке перед бассейном появилась Дашка. Она толкала перед собой столик на колесах, на котором возвышался огромный арбуз в окружении стеклянных бокалов. Дашка жестом фокусника сняла с арбуза заранее срезанную шляпку и застыла в театральной позе.

– Voilà!

– Что это? – приподнялась с шезлонга Ксюха и посмотрела на Дашку поверх солнцезащитных очков.

– Арбузный крюшон! – гордо заявила Дашка. – Сама готовила! Ну, кто смелый, подходи!

– А что там? – недоверчиво, сморщив нос, спросила Ксюха.

– Сок арбуза, сок лайма, клубника, шампанское и лёд, – немного обиженно отчиталась Дашка.

– Лёд – это то, что надо! Начинай с меня, а то я сейчас сварюсь на солнце, – обрадовался Леха.

Дашка разлила крюшон и раздала нам бокалы. Напиток был прохладным и приятным на вкус. Все на время затихли.

– Вкусно! – похвалила Кира. – Потом расскажешь, как это сделать. Я запишу.

– Что тут писать? Всё в двух словах...

– Интересно, а как сейчас там Антоша? – перебивая кулинарный разговор подруг, вдруг вспомнила Ксюха. – О нас, наверное, и не вспоминает.

Все опять примолкли. Антон сейчас был далеко. Он уехал по студенческому обмену в Штаты, и, сказать по совести, каждый из нас потихоньку ему завидовал.

– Ему сейчас не до нас! Представляете сколько там у него впечатлений!

Кира мечтательно закатила глаза.

– Зато Леха тут с нами, как султан в гареме, – засмеялась Дашка.

– Это правда, – согласился довольный Леха. – Только уж очень жарко!

– Ныряй в бассейн, – предложила Дашка.

– Не, – заупрямился Леха. – Пошли лучше на озеро! Надоела цивилизация!

Леха поднялся. Надел сланцы и отправился на берег. Немного погодя, его догнали Кира и Дашка. Ксюха опять чем-то недовольная, надув губы, осталась на месте.

Я тоже не пошла на озеро. Немного разомлев от шампанского, я лежала в шезлонге, и мне не хотелось ни шевелиться, ни говорить.

Здесь здорово! Таких солнечных, таких наполненных покоем и оптимизмом дней, кажется, у меня ещё не было. Природа всех нас примирила. Приколы стали беззубыми, шутки беззлобными, словно всем было лень напрягаться.

Я наслаждалась.

* * * * *

Сегодня с утра всё изменилось. Всё в легком нервном ожидании.

Вечером будет официальный прием в честь Единственной дочери.

Из чехлов выпорхнули вечерние туалеты, а из похудевших косметичек – немыслимое количество разноцветных футляричков и флакончиков. Мы прилипли к зеркалам. Растерянный Леха все время шаркался и чертыхался, с трудом угадывая нас под косметическими масками.

– Тьфу, ты! – плевался он. – Не отдых, а фильм ужасов!

Мало того, избалованный нашим вниманием в предыдущие дни, сегодня он был никому не нужен. Не выдержав свалившегося на него равнодушия, Леха сбежал на озеро.

И к лучшему! Не зная, чем себя занять, он всё время путался под ногами и приставал с какой-нибудь ерундой. Нам было не до него. Разве мало у нас было забот?

Дашка и Ксюха самостоятельно наводили лоск, а вот я отдалась в умелые руки Киры. Если кто-то и мог сделать из меня конфетку, то это могла быть только Кира. Ей бы стилистом работать, а она взялась штудировать восточные языки. Говорит, что это очень увлекательно, но, судя по всему, даются они ей с трудом. Конечно, можно и зайца научить играть на барабане, но если началось со скрипом, где гарантия, что потом всё пойдёт, как по маслу?

А вот стилист из неё получился бы высокого класса. Она переполнена идеями. Они выстреливают из неё, словно искры из бенгальского огня. Легко. Без повторов. Для каждого индивидуально.

Работала Кира на совесть, выжимая из меня всё, что было возможно. От усердия её лицо приобрело зверское выражение, и мне, глядя на неё, постоянно хотелось смеяться. Я с трудом сдерживалась, боясь спугнуть вдохновение мастера. Наконец, Кира критически осмотрела своё творение, что-то подправила в причёске, что-то в макияже и довольно улыбнулась.

– Готово! – радостно сообщила она. – Иди, одевайся. Только осторожнее! Не испортить ничего.

Когда я, облачившись в своё самое лучшее платье, появилась перед ней, Кира пришла в ужас.

– Ты с ума сошла! Разве это носят?

Ничуть не смущаясь, она распахнула Дашкин шкаф и извлекла оттуда то, что считала нужным. Немного поколдовав над выбранным нарядом, Кира подтолкнула меня к зеркалу. Оттуда на меня взглянула незнакомка. Я потеряла дар речи. Так ослепительно я ещё не выглядела!

– А ничего, что мы без разрешения? – засомневалась я. – Дашка нас не убьёт?

– Переживет! – успокоила меня Кира. – У неё здесь столько барахла, что она и не поймёт, что это её.

Трепеща от волнения, я предстала перед подругами. Их суд будет самым беспощадным. Если же они одобряют, то и другим понравится.

– Боже! Кто это? – театрально заломила руки Ксюха. – Я не верю своим глазам!

– Класс! – восхитилась Дашка. – Кира, ты превзошла саму себя!

Моё же лучезарное настроение, при взгляде на подруг, заметно потускнело, потому что выглядели они сказочно, и мне до них не дотянуть. Несмотря на все Кирины таланты, я всё равно осталась на их фоне дурнушкой.

Я, уже было, совсем скисла, но тут появился Леха, начищенный, как медный пятак.

– Жека! Да ты прехорошенькая! – вполне искренне удивился он и даже нежно чмокнул меня в лоб.

– И ты сегодня мил, как никогда, – отпустила я ему сомнительный комплимент.

* * * * *

Этот вечер!

Странный вечер!

Всё осталось, как прежде, и всё же... привкус... странный... предчувствие неизбежности... словно где-то глубоко, на самом дне, пробежала тоненькая трещинка... едва заметная, почти безобидная... почти...

События этого вечера ускользают от меня, словно не желают, чтобы их рассортировали, разложили по полочкам и безжалостно взвесили. Я и сама не хочу этого. С большим удовольствием я бы вычеркнула из памяти всё, что случилось тогда. И не только я.

– Надеюсь, обойдемся без вранья, – пожав губы, предупредила Ксюха. – Не надо ничего сочинять.

Успокойся! Ты ведь не хуже меня знаешь, что ни врать, ни сочинять, ТЕПЕРЬ не получится!

* * * * *

Признаюсь честно, я никогда не бывала на таких шикарных приёмах, а потому немного робела. Все торжества, на которые меня приглашали раньше, проходили или за праздничным столом, заставленным салатами и нарезанной колбасой, или с друзьями в ночных клубах. Сегодня всё было иначе, я ощущала себя светской львицей или кинодивой на голливудской вечеринке.

Ну, может и не дивой, а актрисой второго плана, и не львицей, а львёнком-тинэйджером, но все равно было здорово. Пусть я не была в центре внимания, но зато с интересом наблюдала за всем происходящим. Кстати, я сразу заметила, как Дашка напряжённо улыбалась гостям. Без сомнения ей не нравилось всё это представление.

– Ведь просила же, родителей пригласить только самых близких, – посетовала Дашка. – Откуда напоззли эти Викторы Ивановичи и Алевтины Петровны. Неужели они отцу на работе не надоели?

Дашкино недовольство было легко понять. Большинство приглашенных предпочитали крутиться вокруг главы семейства, лишь изредка вспоминая, по какому поводу они приглашены. Лучше бы совсем не вспоминали!

– Ах, Павел Алексеевич, никогда бы не подумала, что у такого молодого мужчины может быть такая взрослая дочь, – томным голосом изрекла какая-то пышная дама, подарив собеседнику влажный взгляд.

Дашка передернула плечами.

– Я думаю, что твои родители хотели, чтобы всё было на высшем уровне, – предположила я.

– Не сомневаюсь. Только причём здесь эти юродивые. Ты заметила, что они целый вечер отцу в глаза заглядывают и лебезят перед ним?

– Да, заметила. Особенно вон тот.

Я кивнула на стоящего поодаль моложавого мужчину со стильной бородкой.

– О-о, – застонала Дашка. – Подвольский! Мерзкий тип!

– А выглядит ничего.

– Жэка, поверь мне, гад ещё тот! Карьеру делает – по головам идёт. Принципов никаких. Женщин вообще ни во что ни ставит.

– Что мальчиков любит?

– Нет. Не в том смысле. Он женщин просто использует для своих целей, а при случае так ославит – только держись!

Словно почувствовав, что мы говорим о нём, Подвольский бросив напоследок пару фраз своему собеседнику, направился к нам.

– Спасайся, кто может! – охнула Дашка и поспешила скрыться в толпе гостей.

Завидев бегство моей собеседницы, Подвольский притормозил у столика с напитками. Без Дашки я для него не представляла никакого интереса.

Мне стало скучно.

Где мои друзья?

Леха стоял в компании солидных мужчин. У них, видимо, протекала дискуссия на темы, мало интересующие женщин, поэтому тех в радиусе трех метров не было ни одной. Леха держался достойно. Вписался, как там и был!

Ксюхи не было видно нигде, а вот Кира, тоже скучала. Она прохаживалась среди гостей, время от времени, перекидываясь с ними односложными репликами. Я подошла к ней.

– Скучаешь?

– Согласись, подготовка и ожидание праздника, иногда бывают интереснее самого праздника, – вздохнула Кира.

– А где Ксюха? – поинтересовалась я.

– В саду, – зло бросила Кира и отошла от меня.

Странно! Кира и Ксюха редко ругаются. С чего бы Кире так себя вести?

Я решила, что и мне пора прогуляться.

Среди гостей, расположившихся в саду, Ксюхи не было видно. Наверное, Кира что-то перепутала. Ну и ладно.

Возвращаться в душное шумное помещение совсем не хотелось. Да и зачем? Я там никому не нужна, и мне с ними скучно.

Я решила пойти к озеру.

Сначала голоса захмелевших гостей заглушали природные звуки, но чем дальше я уходила от дома, тем всё больше и больше попадала под очарование летней ночи. Скука развеялась, как дымок от сигареты и улетела куда-то наверх, прямо к звёздам. Они тут потрясающие! Они такие огромные и яркие, что, кажется, каждая из них, как прожектор, отбрасывает свой луч на землю. Эти лучи, будто золотые нити, причудливо связали землю и небо. Не разбирая дороги, я иду через сад, раздвигая, словно ветви деревьев, эти звездные нити.

Наверное, я слишком много выпила.

Ну и пусть! Зато мне так хорошо в этом звездном кружеве!

Стараясь не спугнуть охватившее меня состояние блаженства, я почти на цыпочках подошла к стоящей неподалёку укромной беседке и присела на ступеньки.

Звуки, долетавшие оттуда, всё испортили. Внутри кто-то стонал и сопел. Там в тёмной беседке ожесточённо занимались сексом! Звучало это совсем не так красиво, как в эротических клипах.

Стало противно! Я встала и, не таясь, топая, как носорог, пошла к озеру.

Я знаю, кто там был.

На полу беседки, валялось скомканное платье, а на верхней ступеньке – одинокая туфля с левой ноги. Наверное, Ксюхе, они сейчас не очень нужны, у неё есть дела поважнее!

* * * * *

Земля ещё хранила тепло.

Я сидела на берегу озера, зарывая ступни босых ног в песок, а потом, быстро шевеля пальцами, освобождала их. Глупое занятие, бессмысленная трата времени, но я, как заведенный механический заяц, делала это снова и снова. Тупые монотонные движения помогали мне сосредоточиться. Мне было необходимо хорошо подумать, а сейчас это было сложно. Голова была тяжёлой и как будто чужой. Это алкоголь, или мои невесёлые мысли легли на меня тяжким грузом?

Зачем Ксюха это сделала? Ведь это подло! Сейчас, когда Макс так тяжело, её поступок, словно удар ему в спину.

Бедный Макс! Он всегда любил её, ещё со школьных лет. За что только?

А Ксюха?

До сегодняшнего вечера я думала, что она тоже любит Макса. А она!

Интересно, а с кем она там?

И почему? Ей что плевать на Макса?

А может быть, это был просто мимолетный порыв? Просто животное желание? Просто секс?

Все равно гадко!

Впрочем, что я-то об этом знаю. И узнаю ли? Мне почти двадцать лет, а я целовалась всего несколько раз, и то, шутя, когда играла в разные тайные подростковые игры.

У меня за спиной послышался какой-то неясный звук. Я оглянулась.

Приближающийся темный силуэт, постепенно обретал подробности, и скоро я узнала, кто нарушил моё уединение.

Подвольский.

Пьян.

Что-то бормоча, он опустился рядом со мной на песок.

На меня он не глядел, словно и не заметил, что рядом с ним, кто-то есть. Он ещё какое-то время вздыхал и бормотал, а потом неожиданно положил руку на моё колено, по-прежнему глядя на озеро.

Я испугалась, но его руку не убрала.

Меня вдруг захватило такое неодолимое любопытство, что вся кровь, которая текла во мне, хлынула к плохо соображающей голове. Я хочу! Я хочу знать, что же ЭТО такое! Почему ЭТО имеет такую власть над людьми? И я узнаю это прямо сейчас!

От Повольского воняло потом и водкой, а мне было больно и противно.

Дура! Зачем я это сделала?!

Чтобы отвлечься, от сопящего Подвольского я опять уставилась на звезды, и постаралась отрешиться от всего происходящего. Кажется, мне это удалось, потому что через какое-то время мои ночные спутницы затеяли на небе странный танец. Сначала они плавно двинулись по кругу, потом быстро-быстро закружились и понеслись мне навстречу, а потом слились в один мощный поток ослепительного света и тепла. Я зажмурилась и растворилась в их ласковом огне.

Когда я открыла глаза, полусогнутый Подвольский нетвердой пьяной рысью, одной рукой поддерживая расстёгнутые штаны, убежал с места преступления.

Беги, беги, урод! Нужен ты мне очень!

Я опять уставилась на звезды. Сожаления не было, и мыслей тоже... потом... всё потом... Я шумно через нос втянула в легкие прохладный влажный воздух и с удовольствием, прикрыв глаза, выдохнула его.

– Развлеклась? – услышала я над собой резкий голос.

Я подскочила как ужаленная.

У меня за спиной стояла Ксюха. В платье, но босиком. Туфли она держала в руках. Она подошла и присела напротив меня на корточки.

– Ну, и как? Понравилось? – усмехнулась она.

– Ну... – смущенно протянула я.

– Да понравилось! Вижу!

Она продолжала ухмыляться, но её что-то беспокоило.

– Слушай, подруга, давай заключим договор, как баба с бабой. Ты меня не видела, а я тебя. Согласись, зачем нам огласка. Останемся белыми и пушистыми! Лады?

– Лады, – охотно согласилась я.

Я бы предпочла, чтобы вообще никто не знал о случившемся, но раз уж так получилось, то лучше заключить перемирие. Если всё вылезет наружу, то Ксюхин загул взволнует только Макса, а вот по мне пройдутся всё. Потопчутся, как стадо слонов.

Мне это надо?

* * * * *

– Ну, так ты идешь, или нет?

– Да, сейчас.

И зачем я только согласилась? Сумасшедшее желание хоть часок побыть рядом с Максом, кажется, лишает меня последних крох рассудка. Когда я согласилась пойти с ним в больницу к Мишелю, я совсем не думала о последствиях. Опомнилась я только на лестнице, перед входом.

– Интересно, чего это ты так ему понадобилась? Ты, правда, не знаешь?

– Понятия не имею. Наверное, Чебурашка ищет друзей.

– Не смешно. Надеюсь, ты не забыла, что он мой брат?

Хорош брат! Если Макс тащит меня к Мишелю, значит, тот ему ничего не рассказал о деньгах. В противном случае Макс бы из меня душу вытряс, а деньги бы забрал.

– Братан, выйди, а...

Мишель смотрел так умоляюще, что Макс не смог отказать, хоть было видно, что делает он это с неохотой. Уже открыв дверь, он какое-то время нерешительно потоптался на пороге, но, в конце концов, все же вышел.

– Жэка, они у тебя?

– Кто?

– Деньги.

– Какие деньги? Я не понимаю.

– Ну, как... Я тебе сумку... в арке...

Мишель бледнел у меня на глазах, и даже под одеялом было заметно, что его била крупная дрожь.

Мне его стало жаль. Очень! Очень-очень! Честное слово! Я же не сволочь бессердечная... только деньги я ему не отдам!

– Сумка... такая... в арке...

– В какой арке? Не была я ни в какой арке.

Не отдам! На тебя папаша никогда бабок не жалел и теперь даст. У него их, как мусора!

А для меня это единственный шанс!

Не случайно же всё так складывается, как по нотам. Знакомство со Штольцем и сумка с кругленькой суммой появились почти в одно время. Пока всё произошло без усилий с моей стороны, от меня теперь только требуется разумно с этим распорядиться. Так неужели я своими руками всё разрушу? Если бы это было возможно, то я бы прямо сейчас побежала в клинику к Штольцу. Но нельзя! Надо всё сделать осторожно, надо выждать время, чтобы ни у кого даже не возникло вопросов, почему это Жэка-Крокодил стала похожа на голливудскую диву.

– Значит, там была не ты... Кому же я тогда её отдал?

По щекам Мишеля текли слёзы.

– Всё. Жэка, это всё. Меня убьют...

* * * * *

Мишеля нашли в парке. Через три дня после его выписки из больницы. Его опять избили, но на этот раз его не учили, не пугали, его убивали. И убили!

Не повезло пацану! Макс у он, в конце концов, всё рассказал, но слишком поздно. Оказывается, их папаша был в командировке, и они с Максом просто не успели взять деньги.

Но я-то, откуда это могла знать?!!

* * * * *

– Жэка, а ты, правда, не знаешь, кому Мишель отдал эту чертову сумку? – шептал мне Макс.

Он был пьян. Он пьёт почти неделю.

– Макс, я не знаю.

– Мишель мне сказал... ты же приходила к нам в тот день, – он уже с трудом выговаривал слова, перемежая их пьяной икотой.

– Ну, подумай сам, – тоже шёпотом уверяла я Макса, – мы с тобой договорились встретиться в три, а история с сумкой произошла вечером, в начале седьмого. Почти три часа спустя. Меня там уже давно не было.

– Да, – икнув, уверенно согласился Макс. – Ты права.

Мама родная! Что я сказала! Как можно быть такой дурой! Если бы меня сейчас кто-нибудь услышал кроме пьяного Макса, мне бы был Да, уж! Даже страшно представить! От запоздалого испуга мой лоб покрылся холодной испариной.

Откуда ты, невинная овечка, можешь знать, когда это случилось? Больше того я вообще должна не знать, что там случилось. Ну, нельзя же так подставляться! Думать надо!

Нахлынувшее волнение заставило меня нервно озираться по сторонам, и я наткнулась на недобрый взгляд Ксюхи.

– Жэка, чего ты к нему прилипла? – недовольно высказалась она. – Хочется за мужское тело подержаться? Так тело сильно пьяное!

На себя бы поглядела. Сама надралась, что язык заплетается, а туда же.

– Ксюх, кажется, Макса пора грузить и транспортировать домой, – вмешалась Кира. – А то твоё сокровище скоро заблудит весь бар.

– А чего это мне его тащить? У него сезон охоты на крокодилов. Он сегодня от Жэки не отлипает, вот пусть она его и тащит домой.

Какая же все-таки, она стерва! И что Макс в ней нашёл? И Кира тоже промолчала, как будто согласилась с Ксюхой, ... хотя, ... скорее всего, ей всё равно. Вот если бы здесь была Дашка, та бы за меня заступилась. Но сегодня мы гуляем вчетвером, и, похоже, Макса тащить домой действительно придётся мне.

* * * * *

Всё запуталось. Всё перемешалось, словно нарочно. Словно для того, чтобы испытать меня. События, даты, поступки...

Пожалуй, надо остановиться. Всё обдумать, взвесить и разобраться.

Но я не могу! Я застряла в своих желаниях. Увязла в чувствах. А если пытаюсь поступать разумно, становится ещё хуже.

Даже Т Е П Е Р Ь я не знаю ответов.

* * * * *

Такси, лифт – без проблем.

Макса хватило ещё на пару шагов по площадке, но последние три метра перед квартирой он висел на моих плечах, как подстреленный.

Какой же он тяжелый! Если рухнет, я его не подниму.

Демонстрируя таланты женщины-змеи и атлета тяжеловеса одновременно, я с трудом разыскала ключи в его карманах. Макс ещё пытался стоять на ногах, но, когда он переступил порог, то отключился окончательно. Пока я закрывала дверь, его безвольное обмякшее тело сползло по стене, и, растянувшись поперек коридора, загородило проход.

– Ну, здорово! – растерялась я. – Макс, ты же тяжелее меня килограмм на двадцать. Как я теперь тебя подниму?

Глядя на безмятежно посапывающего Макса, я совершенно не понимала, что с ним делать дальше. Самым разумным было бы оставить его там, где он лежал. Здесь он уже в безопасности, никто его не потревожит, ниже пола он не упадет, опасных предметов поблизости тоже нет, а когда проспится сам встанет. Вероятно, с любым другим пьяницей я бы так и посту-

пила, но Макса оставить на полу я не могу. Вот только хватит ли у меня сил дотащить до кровати?

Собравшись духом, я все-таки решила тащить. Стало мне это больших усилий и немалой изобретательности. Я старалась изо всех сил, и, в конце концов, так растормошила Макса, что он смог прийти в себя ещё на некоторое время. Его мутного сознания хватило только на несколько шагов, и он через минуту опять отключился. Но дело было сделано, и уже достаточно было только легонько подтолкнуть Макса, чтобы он рухнул на постель.

Я перевела дух. Мне осталось только стащить с него ботинки и джинсы, а потом укрыть одеялом. Макс уткнулся в подушку и мирно засопел, как маленький мальчик.

Теперь, когда все сложности с доставкой Макса были позади, все мои тревоги растворились в нахлынувшем потоке нежности. Сбросив туфли, я как была в одежде, прилегла рядом с Максом поверх одеяла и, обняв, прижалась к нему всем телом.

Как же я была счастлива в тот момент!

– Значит всё ради такой ерунды?

Мишель стоял возле окна и удивленно смотрел на постель.

– Что ты понимаешь в этом! – отрезала я.

* * * * *

Совесь! Она, оказывается, у меня есть! И она терзает меня невыносимо! Я не сплю ночами, а если засыпаю, то мечтаю проснуться. Самое противное, что я не знаю, что с этим делать, – вернуть-то ничего нельзя!

А если бы было можно? Вот случилось бы такое чудо – просыпаюсь, а Мишель жив.

Как бы всё тогда повернулось? Смогла бы я пожертвовать собой, своим будущим, своим счастьем, для того, чтобы этот жалкий тип продолжал свою никому не нужную жизнь?

С ужасом и омерзением я должна признаться, что всё равно не вернула бы ему ту зло-счастную сумку.

Ни за что не отдала бы!

Всё замкнулось! Я хожу по кругу, и этот путь для меня единственный.

Я осталась в выигрыше – с деньгами и безнаказанна.

Отчего же мне так тошно жить?

* * * * *

Ещё одна такая ночь, и я загнусь. Снится, чёрт знает что! Я просыпаюсь с такой тяжестью в голове, что того и гляди, переломится шея.

Решено! Сегодня вечером я напысь! Лучше уж болеть с перепоя, чем от недосыпа.

– Жека, вставай! Ты опоздаешь на занятия!

Вот бы ещё полчаса!

– Жека, ты встала?

– Да, встала.

Хотя точнее сказать, я не встала, а стекла по простыне в тапочки. Сил никаких!

– Жека!

Как я ненавижу эти утренние вопли! Они хуже будильника – его-то хоть пнуть можно.

– Жека, я ушла!

– Хорошо.

Наконец-то, хлопнула входная дверь.

Теперь, когда некому подгонять, пришлось окончательно проснуться. Как сомнамбула, я двинулась по проторенной утренней тропе – туалет, ванная, кухня. Можно даже не раскрывать

глаз, ведь каждый день один и тот же ритуал. На обычные гигиенические процедуры у меня ушла уйма времени, которого и без того было в обрез. Наверстать потерянные минуты можно было, только проглотив свой завтрак, как можно быстрее. Аппетита не было, но я все-таки направилась на кухню. На столе меня ждали ещё тёплый омлет и кусок бисквита, оставшийся от вчерашнего пира.

Накануне вечером у нас были гости – тётя Валя и тётя Галя – мамулины коллеги. Они пили красное вино и говорили про жизнь. После первого же бокала тётя Галя низким грудным голосом начала выдавать непристойности, отчего мамуля смущалась и укоризненно поджимала губы. А тётя Валя, полная и кудрявая, всех учила, как надо жить. Похоже, она считала, что знает, как достичь благоденствия в этой жизни. Её дородная фигура и самодовольный вид должны были служить подтверждением её правоты. Три не сложившихся брака и сын в тюрьме – не в счёт!

Воспоминания об этой убогой компании окончательно отбили у меня аппетит. Я подняла глаза на часы.

Ого! Опаздываю в университет!

Я дернулась, но на этом мой энтузиазм и закончился.

Что я там забыла? Как мне там не нравится! Все эти финансы, вся эта экономика – при одной мысли о них у меня сводит скулы. Мне там скучно. Я же не Макс. Это он в экономике, как рыба в воде. Это его стихия! Он учится, потому что ему нравится, а я, потому что надо. А что мне ещё остается? Ксюха, например, после первого курса от нас на факультет журналистики сбежала. Так её предкам всё равно, куда платить, а я учусь на бюджетные деньги, и о переводе не может быть и речи.

Одна радость – Макс рядом!

Я опять с тоской взглянула на часы. Ладно, поеду ко второй паре. Спать хочу!

* * * * *

Говорят, студенческие годы самые счастливые. Что-то я этого не заметила. Для меня даже школьное детство вспоминать приятнее, хотя обижали меня в то время немало. Видимо, что-то уже забылось, а что-то с годами стало казаться незначительным. Всякое бывало, но одно то, что своих друзей я нашла в школьные годы, перевешивает все остальные аргументы.

В университете ничего похожего не случилось. Высшая школа окатила меня равнодушием. Я так и осталась в стороне от однокурсников. Никто со мной на сближение не пошёл, и сама я инициативы не проявляла. Врагов не нажила, но и новых друзей не нашла. Я чувствовала себя приговорённой отбарабанить пять лет, и я их отбарабанила. Училась успешно, едва ли не лучше всех, но все это было, как под гипнозом: надо – сделано – ставим галочку!

Хорошо, что скоро конец. Впереди целая взрослая жизнь.

Что я в ней буду делать?

Жить, как мамуля, я не хочу. Без любви, без денег, и зная наперед, что завтра будет похожим на вчера.

Я так жить не буду!

Только вот с чего я взяла, что мне удастся вырваться из этого круга, я и сама не знаю.

* * * * *

Мамуля стояла в дверном проеме и счастливо, я бы даже сказала, глуповато, улыбалась. В одной руке она держала большой пакет, а другой прижимала к груди цветы. Огромные герберы, уже порядком измученные, жалобно выглядывали из буйного нагромождения цветного целлофана.

- Оп-па! Это мы откуда такие развесёлые? – удивилась я
- Я была в ресторане, – гордо заявила мамуля. – С мужчиной!
- Да, ну – подыгрывая ей, опять удивилась я.

Я принесла её любимую вазу и забрала цветы. Мамуля охотно отдала их мне.

Первым делом я разодрала целлофан. Слов нет, в цветочных магазинах красиво оформляют букеты, но ведь это только упаковка. Цветы хороши без всяких оберток, просто живые и свежие, такими, как их создала природа. Я с детства потрошила мамины букеты, всегда по своему обрезала стебли, и создавала из цветов свои композиции, безжалостно выкидывая всю мишуру. У меня получалось красиво, и мамуля восхищенно охала.

Но цветов ей дарили мало, а поклонников у неё было ещё меньше. Она их уничтожала в зачаточном состоянии. Их ожидала та же участь, что и случайно забежавшего на кухню соседского таракана. Хлоп тапкой – и прощай! Стоило только мужчине бросить на неё вожделенный взгляд, как мамуля тут же окатывала его таким ледяным равнодушием, что попыток тот больше не делал.

Почему она так себя вела, я не знаю. Хранила ли кому-то верность или ублажала старые обиды – мне не известно. Только мужчин я рядом с ней почти не видела, и никаких романов тоже не припомню.

– Мам, у тебя что, появился поклонник? – осторожно поинтересовалась я.

– Ой, да что ты, – смущённо замахала на меня руками мамуля. – Придумала тоже.

– Ну, ты же сама сейчас сказала, что была с мужчиной, – приставала я. – Давай, рассказывай. Кто он такой?

– Друг, – мягко, но твердо пресекла мои расспросы мамуля. – Давний, добрый друг. Не более.

Я разочарованно скривилась.

– Ой, Жека! Я же тебе подарок принесла!

Мамуля, загадочно улыбаясь, запустила руки в принесенный ею пакет. Она долго шуршала там бумагой и целлофаном, при этом хитро поглядывая на меня. Я сразу почувствовала, что подарок будет роскошным, но то, что она извлекла из пакета, заставило меня онеметь.

Платье!

Я о таком даже не мечтала!

– Мам! Где ты его взяла? – изумилась я. – Оно же стоит, как «Мерседес». Ты банк ограбила?

– Денег я накопила, – успокоила меня мамуля. – А ты не болтай, а примерь!

Упрашивать меня долго не пришлось.

Платье было просто сказочным, кое-где подогнать по фигуре и прямо в Букингемский дворец!

– Ой, как тебе хорошо! – обрадовалась мамуля. – Теперь есть в чем пойти на вручение диплома. Да, и денег на ресторан я тебе тоже дам.

Ну, есть ли на свете ещё такие мамы? Я ведь ни словом не обмолвилась, что хотела пропустить торжества по случаю окончания университета. Идти было совсем не в чем, а позориться не хотелось.

И вдруг такой сюрприз!

Это не мамуля, а просто фея!

* * * * *

Своё роскошное выпускное платье я не стала убирать в шкаф.

Я повесила его на зеркало.

Пришлось для этого вбить огромный гвоздь в стену, порвать обои и отколоть небольшой кусок штукатурки, но эти досадные мелочи не испортили мой замысел. Теперь, когда мне надо было взглянуть на себя, я вместо удручающего отражения видела великолепное платье. Настроение сразу взлетало вверх, как ртуть в термометре, который опустили в кипяток. После такой мощной порции позитива, даже отражение в зеркале казалось, ерундой.

Мне не давала покоя только одна мысль. Где же мамуля достала столько денег? В её басню под названием «Накопила» я, конечно, не поверила. Копить деньги мамуля не умела. Купюры и монеты испарялись у неё из рук, не успев там появиться. Хотя, сказать по совести, не так уж часто, и не так уж много их появлялось. В любом случае, накопить она не могла.

Тогда, что?

Залезла в долги? Только этого нам не хватало!

Ладно, схожу на выпускной, а потом сразу продам это платье, пусть мамуля возвратит всё, что заняла.

Я с грустью взглянула на свое сокровище.

* * * * *

Мой консультант по дипломному проекту про меня забыл.

Когда ровно в девять утра я столкнулась с ним в коридоре, то просто не поверила своим глазам. На такую удачу я даже не надеялась. Обычно мне приходилось гоняться за ним по всему корпусу и упрашивать, чтобы он уделил мне хоть несколько минут. Сегодня же случилось невероятное, он сам шёл ко мне навстречу.

Здорово! Сейчас я быстро решу накопившиеся проблемы, а потом займусь своими делами.

Но не тут-то было! Мой вечно озабоченный консультант рассеянно взглянул на меня, приказал ждать и растворился в университетских лабиринтах.

Ожидание затянулось. Интересно, сколько же я здесь сижу? Наверное, около часа. Эх! Надо было посмотреть на часы, когда он ушёл. Впрочем, что бы это изменило?

Скучно, жаль потерянного времени и есть ужас как хочется! Мой живот уже не раз призывно урчал, заставляя меня краснеть при одной мысли о том, что эти звуки может кто-нибудь услышать.

Потеряв терпение, я отправилась в ближайшее кафе.

Едва открыв дверь, я увидела за столиком в дальнем углу Киру и Антона. Они увлечённо беседовали, но моёму неожиданному появлению обрадовались.

– Жека, ты только взгляни на него! – восторженно призвала меня Кира, кивая на Антона. – Как он тебе?

– Супер! – согласилась я. – Ты давно прилетел?

Оказалось, Антон только пару дней, как вернулся из Штатов, и мы с Кирой стали первыми, кто его увидел после поездки. Антон очень изменился. На него было приятно посмотреть. Уже не мальчик, уже мужчина. Серьезный и представительный. Я даже почувствовала гордость, заметив, с каким интересом в нашу сторону поглядывают студентки первокурсницы, сидевшие по соседству. Сам же Антон, казалось, этого не замечал, или делал вид, что его такие пустяки не волнуют. Он, не спеша, допил свой кофе, бросил быстрый взгляд на свою руку, как бы невзначай продемонстрировав дорогие швейцарские часы, и, посетовав на занятость, покинул нас.

– Трудно поверить, что я когда-то сидела за партой вместе с этим мэном, – сказала Кира, провожая взглядом удаляющегося Антона.

– Да, – поддержала я Киру – Антоша всем на зависть! Хорош! Как изменился!

– Да, мы все изменились, – с чуть заметным оттенком грусти сказала Кира, – только когда видишься часто, не обращаешь на это внимание, зато после разлуки сразу заметно.

Она на минуту задумалась и примолкла. Я, наблюдая, как она царапает вилкой почти опустевшую тарелку, тоже молчала. Пауза оказалась короткой.

– А хорошо, что я вас увидела перед отъездом! – неожиданно оживилась Кира.

– Отъездом? – удивилась я. – Куда?

Кира сверкнула глазами и изобразила на лице неистовую радость.

– В Токио! Я пробила три недели языковой практики в Японии!

– Класс! – восхитилась я.

– Мне Токио снится каждую ночь, – радостно продолжила Кира. – Представляешь, я там, в кимоно по улицам гуляю, а вокруг меня японцы маленькие такие, как пигмеи, и все рыжие.

– Сон свихнувшегося востоковеда, – прокомментировала я. – К специалистам уже обращалась?

– Сон, как сон, – отмахнулась Кира. – Подумаешь, рыжие японцы...

– Что ты, Кира, случай-то клинический, – ухмыльнулась я.

Кира изобразила какой-то двусмысленный жест мне в ответ.

– Ладно! Ты-то как? – ковыряясь в салате, спросила она.

– В цейтноте! – сокрушенно пожаловалась я. – Ничего не успеваю! Боюсь, не видать мне диплома!

– Да, брось ты! Если ты не защитишься – никто не защитится, – успокоила меня Кира.

Она допила кофе и собралась уходить. Покопавшись на прощанье в своей сумке, и даже привстав, она неожиданно опять опустилась на стул и в упор уставилась на меня.

– Слушай, Жека, а ты Ксюху давно видела? Или Макса?

– И Макса вижу, и Ксюху тоже. А что?

– А ты не в курсе, как у них? Ну, ... они вместе?

– Кажется, да. А что?

– Странно, – скривила губы Кира.

– Странно? Почему?

– Да тут такие дела... не знаю, как и сказать—то...

Кира на какое-то время примолкла, размышляя, стоит ли разносить сплетни.

– А, ладно, тебе можно, – махнула рукой она.

Кира зачем-то осмотрелась по сторонам и перешла на громкий шепот

– Скажу тебе по секрету, эта, зараза... ну, Ксюха... Она, кажется, с моим дядей Игорем закружилась. Жена его, ходит вся зелёная от ревности. Они и без того на грани развода были, а теперь...

Кира безнадежно опять махнула рукой.

– А почему ты решила, что это из-за Ксюхи? Она-то причём?

– При том. Эта песня уже почти год тянется. Помнишь Дашкин день рождения? Мой дядюшка тоже там был. Он ведь работает заместителем у Дашкиного отца, можно сказать, его правая рука. Вот там они с Ксюхой и нашли друг друга. Правда, тогда я думала, что мне показалось, но теперь, похоже, что у них всё по полной программе.

Я не знала, что и сказать. Надо было как-то реагировать, удивиться, возмутиться, но я растерялась.

До сих пор считалось, что этот секрет знают только трое: сладострастная парочка и я. Оказывается, эта нелегальная связь давно уже не секрет для окружающих. И все же лучше мне промолчать, что я давно все знаю, а то придется отвечать на множество неприятных вопросов. Ох, как мне этого не хотелось!

На моё счастье Кира поняла по-своему моё смущение.

– Что убила я тебя? Вот так-то, Жека!

* * * * *

– Куда торопишься?

Ксюха подскочила ко мне сзади и железной хваткой вцепилась в локоть. От неожиданности я чуть было не подавилась чипсами.

– Да, собственно... домой. Есть хочу, устала.... А что?

– А то! Есть дело!

Ксюха была слегка не в себе. Голос заметно дрожал, а глаза сияли, как у кошки, которая охотится на жирного ленивого голубя. Знает, что сожрать не сможет, а поймать – ужас, как хочется!

– Прикрой меня!

– Не поняла. Чем прикрыть?

– Собой! Телом своим! Что же ты такая тупая! – процедила сквозь зубы Ксюха, оглядываясь по сторонам.

Она так давила на мой локоть, что мне стало больно. Я попыталась освободиться, но Ксюха не обращая внимания на моё сопротивление, затащила меня в нишу перед лестничной площадкой. Если она, таким образом, пыталась спрятаться, то добилась прямо противоположного эффекта. Всякий проходящий мимо одаривал нас любопытным взглядом.

– Слушай, оставь в покое мою руку, – наконец возмутилась я. – Мне, между прочим, больно!

– Да, ладно, – отозвалась Ксюха, так, словно отмахнулась от назойливой мухи, но мой локоть всё-таки отпустила.

Она стояла, перекрывая мне путь к отступлению, но, уже не глядя на меня, о чём-то сосредоточенно думала.

– Ну? – напомнила я о себе.

– Жека, там внизу у выхода меня Макс ждет. Тебе надо увести его, отвлечь.

– Зачем?

– Ну, соображай же быстрее!

– Ты хочешь сказать, что...

– Ну, да! Сейчас Игорь подъедет! Жека, мне нужен всего час! Возьми Макса на себя, отвлечи его.

– Нормально! А что я ему скажу?

– Что хочешь! Сама придумай – ты же умная!

– Придумала! Я скажу ему, что ты уехала с Игорем на часок в мотель. Пойдет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.